

**Пленарное заседание «ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
КАК ФУНДАМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ». Секция «МОДЕРНИЗАЦИЯ.
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАЦИИ»**

28 апреля 2010 г.

- (Кузьминов Я.И.) Итак, коллеги, мы начинаем с Вами работу секции пленарного заседания Общественной палаты, посвященную стратегии развития творческого потенциала нации. Мы эту секцию проводим в достаточно необычном формате. Объединились Комиссия по культуре и Комиссия по образованию.

В обыденной жизни мы часто ставим эти слова через запятую. В реальности, в том числе, и в организационной, бюрократической реальности, да и в реальности работы общественных организаций нашей страны, к сожалению, культура и образование имеют тенденцию расходиться.

Между тем, обязательное условие эффективной модернизации нашей страны – это возрастание роли креативного класса. Креативный класс – опять же, если Вы посмотрите и на заявления государственных деятелей, и на то, что пишут журналисты, - описывается очень часто, как в индийской сказке про слепцов, которые нашли слона. Один говорит: «Какие тут колонны!». «А вот змея», - говорит другой, взявшись за хобот. И так далее.

На самом деле, креативный класс описывается как сообщество профессоров университетов, создающих технологические инновации. Креативный класс описывается как сообщество бизнесменов, порождающих новые, неординарные и приемлемые при этом для общества бизнес-решения. Он описывается как традиционный вклад художников, музыкантов в культуру общества. То есть, действительно, мы никак не можем найти общего. А это общее и есть то, что создается образованием. Особенность креативного класса, на мой взгляд, - это порождение нового. Причем, не просто порождение и узнавание нового для себя – это порождение нового для других, окружающих.

Здесь собрались, в основном, люди, которые этим профессионально занимаются. И они хорошо знают, что путь человека, избравшего эту модель поведения, модель труда, модель бизнеса, очень непрост. Он на словах приветствуется обществом, он на словах приносит очень большой успех, большое публичности секундочку. Но если мы посмотрим на статистику, то мы увидим, что огромное количество людей не вошли в креативный класс, потому что школа не поддержала их творческий потенциал, потому что они были убиты школьной рутинной. Может быть, человек прекрасно лепил бы, но кружка такого не было, и он так и остался троечником – троечником по математике, а потом и по всем предметам.

Мы можем увидеть, что очень большое количество людей, пришедших с широко открытыми глазами из школы в высшие учебные заведения, тут же – ну, через год, скажем, - были «пережеваны» учением(?) этих заведений, стали людьми, которые просто получают очередные оценки, а живут так же, как живут люди вне университетов.

К сожалению, проблема вырождения российских университетов очень серьезно стоит и является, по-моему, болевой точкой нашего развития. Если мы сравним наши университеты, очень большие по охвату, и университеты зарубежных стран, мы увидим с Вами, что по потенциалу, скажем так,

негативной креативности, по доле псевдообразования мы, к сожалению, занимаем одно из первых мест в мире.

Если мы посмотрим на жизненный путь тех, кто окончил высшие учебные заведения и проявил себя как интересный ученый, как хороший исполнитель, как интересный художник, очень большая доля этих людей не поддерживается обществом, их талант гасят. И если мы посмотрим на то, как организован наш творческий класс, но в зрелом периоде жизни людей, то мы увидим, к сожалению, очень большое окостенение, монополизацию определенными творческими группами и ресурсов, которые выделяет общество на поддержку креативного класса в разных его ипостасях – и ученых, и артистов. И, к сожалению, совершенно минимальные ресурсы достаются тем, кто хотел бы получить второй и третий шанс себя реализовать, завоевать общественные интересы, общественное доверие.

И, наконец, когда мы будем говорить о пожилом возрасте членов креативного класса в России, здесь, наверное, мы можем самые горькие слова сказать: очень большая доля наших коллег, будь это представители художественной интеллигенции, будь это представители научной интеллигенции, оказываются на пенсии, даже если они были в свое время известными людьми, практически, без средств к достойному существованию. И такого рода старость отвращает очень многих людей от соответствующей творческой карьеры.

Мне кажется, что наша задача сегодня – попытаться оценить тот круг проблем, где мы можем помочь нашему обществу, посоветовать нашему обществу как-то усовершенствования условия жизни, становление творческой жизни и обеспечение старости, от детства до старости, членов креативного класса России.

Я хочу подчеркнуть: креативный класс, в общем, - один. Если Вы спросите выдающегося ученого, где основа научной революции, он скажет, что, на самом деле, это очень близко к хорошей поэзии. В основе лежит метафора, в основе лежит образное мышление, пересаживание метода одной науки в другую область знаний. Наши механизмы креативной деятельности очень близки, и, конечно, креативный класс – это не только инженеры, это не только технологические инноваторы и это не только творцы балета. Это очень широкий класс, доля его постоянно расширяется. И мы сегодня, фактически, с Вами говорим о судьбе 25-30% членов нашего общества XXI века. Это очень большая доля. Фактически, это доля, которая определяет успех нации.

Я хотел бы Василию Владимировичу передать слово для завершения моего выступления и дальнейшего ведения нашей секции.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Ярослав Иванович. Я буквально два слова добавлю.

Сегодня проблем, конечно, много и в поле зрения Комиссии по сохранению и развитию отечественной культуры. Огромное количество проблем. Но сегодня, в силу отсутствия и времени, и в силу большого количества записавшихся и желающих выступить, действительно, просил бы

сосредоточиться на тех вопросах, о которых говорил Ярослав Иванович, - то есть, на аспектах, позволяющих выявить дополнительные ресурсы и активизировать как-то развитие уже имеющегося потенциала.

Еще добавлю, что мы подготовили такой предварительный проект резолюции, но по результатам нашего сегодняшнего разговора мы, конечно, те аспекты, которые сегодня возникнут в разговоре, внесем туда, и еще будем, может быть, резюмировать это на второй части сегодняшнего дня, когда будет пленарное заседание. И дальше еще будет у нас какое-то время для того, чтобы это подкорректировать, насколько я понимаю, потому что потом эти материалы пойдут в ежегодный доклад о состоянии гражданского общества, который будет подготовлен ближе к концу года.

То есть, в принципе, разговор очень важный, потому что те конструктивные предложения, в том числе, которые сегодня прозвучат, они будут каким-то образом сформулированы и вставлены в такой наиважнейший документ, который готовит Общественная палата.

Ну и, собственно, все. Я думаю, нужно приступить к разговору-дискуссии. И, так как, действительно, времени не очень много, я бы предложил какой-то регламент все-таки постараться выдерживать: для докладов – предположим, минут пять, и для выступающих – минуты три. Да, Ярослав Иванович?

- (Кузьминов Я.И.) Ну, очень хотелось бы. Коллеги, у нас действительно много выступающих, много записавшихся, и большая просьба – постараться соблюдать регламент. Мы понимаем, что это очень интересные проблемы, но чем короче мы о них скажем, тем больше окружающих поймут.

Пожалуйста, Любовь Николаевна Духанина, заместитель председателя Комиссии по развитию образования, президент образовательного холдинга «Наследник».

- (Духанина Л.Н.) Уважаемые Ярослав Иванович и Василий Владимирович, уважаемые коллеги! Творческий потенциал общества на современном этапе мирового развития является одним из ключевых факторов глобальной конкуренции любого государства. Именно творческие способности являются естественным и единственным залогом развития и процветания нашей планеты.

Что же касается особо одаренных личностей, именно их заслугой, как известно, является продвижение в отдельных областях и в обществе в целом, к новым уровням жизни, в свою очередь, создающим новые лучшие предпосылки для гармоничного развития всех людей.

Словом, сегодняшней креативной инновационной экономике необходим креативный человек. Этот тот человек, который своим творческим трудом может привносить изменения в существующую действительность.

Каков масштаб? Обычно Россия говорит о 7% одаренных детей. Разброс велик. Канада считает, что их 70%. Все это связано с различными точками зрения на понятия «одаренность», «креативность», «гениальность», «талант». Опрос общественного мнения россиян показывает, что каждый

четвертый россиянин считает себя талантливым, половина родителей считают одаренными своего ребенка. К сожалению, работники дошкольных учреждений и учреждений образования считают, что одаренных детей очень мало.

Что существует в нашей стране для развития таких детей? Существующая система поддержки талантов на федеральном уровне представлена системой олимпиад и поддержана национальным проектом «Образование» «Талантливая молодежь». На региональном уровне это олимпиады, конкурсы, губернаторские стипендии и вся, фактически, структура и инфраструктура таланта – лицеи, гимназии, учреждения дополнительного образования (это и технические центры творчества, и школы искусств, и музыкальные школы).

Олимпиады, являясь, по сути, интеллектуальным соревнованием, дают неоценимый опыт проявления в жестких конкурентных условиях достигнутого уровня способностей.

Однако, работа по развитию творческих способностей в большинстве регионов строится с одаренными детьми в рамках профильного обучения в общеобразовательных учреждениях. На старшей ступени общеобразовательными учреждениями чаще всего реализуется социально-гуманитарный, физико-математический, химико-биологический и филологический профили. В этих учреждениях обучаются около 5% учащихся.

Особую роль играют СУНСы – специализированные учебные научные центры, созданные как школы научного творчества при высших учебных заведениях, и которые зарекомендовали себя действительно высокими результатами своих выпускников. Однако, выпускают они всего 500 человек в год, что, в целом, не соответствует запросу России на абитуриентов такого высокого уровня подготовки. Их программы однотипны.

Основные проблемы образовательных учреждений повышенного уровня: несовременное содержание образовательных программ, старая собственная лабораторная база, старение кадров.

Наиболее эффективным средством развития творческих способностей являются учреждения дополнительного образования. И на слайде видно, что почти 50% детей на сегодня задействованы в работе учреждений дополнительного образования. Справедливости ради замечу, что при сборе статистики невозможно посчитать и учесть ситуацию, когда один ребенок посещает два либо три кружка – он считается за два либо три ребенка, поэтому наша оценка говорит о том, что, скорее всего, это не 49%, а в районе 30%.

Отсутствие классно-урочной системы, безотметочное обучение, занятия по потребностям и способностям, микроклимат творческой мастерской создают действительно благоприятные условия для развития детей.

Какие существуют основные проблемы в учреждениях дополнительного образования? Это, фактически, низкая доступность - в силу

отсутствия достаточной инфраструктуры, и вторая – это его платность. По опросу Общественной палаты, 80% кружков и секций на сегодня платные.

Большую роль в развитии творческих способностей играют музеи, библиотеки и театры. Предполагалось, что будет резко ограничиваться время выступлений, и поэтому Вы сейчас получили статистический материал к выступлению, где есть полная статистика по ситуациям с музеями, выставочными залами, детскими школами искусств, и Вы можете сами ее понаблюдать.

Какие здесь основные проблемы? Это недоступность культурной среды в целом для регионов России (за исключением Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и еще ряда городов-миллионников), отсутствие современных совместных программ развития – допустим, школы - музеи. В части музеев активно развивается такое направление, как музейная педагогика, но, к сожалению, оно развивается, в основном, силами сотрудников музея, школы пока занимают не очень активную ситуацию - в основном, занимаются доставкой детей в музей. Это тоже неплохо, но при тех же ресурсах эффективность программ была бы выше, если бы была включенность учителей школ в само содержание.

Какова финансовая поддержка? Вы ее видите. Да, эти факты говорят о том, что целенаправленная деятельность по созданию системы поддержки одаренной молодежи, развития творческого потенциала нации пока не проводится ни на федеральном, ни на региональном уровнях – системно, я имею в виду. Федеральная целевая программа «Дети России» прекратила свое существование. В рамках ФЦПРО(?) в последние годы проблематика работы с одаренными детьми была представлена лишь двумя-тремя небольшими проектами в год, причем их тематика выглядит несистемной, фрагментарной. Анализ региональных программ развития 40 субъектов Российской Федерации, который мы провели по материалам, представленным на сайте «ФЦПРО точка ру», дал безрадостную картину: в 19 субъектах из 40 отсутствует даже упоминание, лишь в 4 субъектах из 40 доля финансирования проекта для одаренных в общем объеме программ развития образования превышает 5%, и лишь в 10 регионах она превышает 1%.

Основной центральной фигурой в обучении, развитии ребенка, развитии его творческих способностей является, конечно, учитель. Основная проблема сегодня учителей, которые работают с одаренными детьми, - это недостаток профессиональных знаний для выявления и сопровождения ребенка, неумение выстроить общение с ребенком, правильно диагностировать, разработать персональную программу развития. Система повышения квалификации, фактически, не включает в программы для учителей вопросы работы с одаренными детьми.

Какова же интегральная оценка? В стране отсутствует система выявления, отбора и поддержки талантливых людей. Конкурс талантов уступил место конкурсу денег. За исключением Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, существует острый дефицит образовательной,

научной и художественной инфраструктуры. Бизнес-сообщество в сфере выявления и поддержки талантов проявляет инерцию и стереотипные ожидания, расчет на поиск уже сформировавшегося таланта. Одаренные дети в России вынуждены осуществлять смену места жительства для того, чтобы реализовать свои способности.

В стране нужно действительно создавать систему, и об этом уже говорит наш президент, и это есть второе направление в инициативе нашей новой школы. Что из себя представляет система? Эта система – не площадка для избранных, я хочу сразу об этом сказать. Это создание равных стартовых возможностей каждому ребенку, чутко реагирующая на быстро меняющиеся потребности детей и их родителей, оказывающая помощь и поддержку одаренным и талантливым обучающимся, поднимая их на качественно новый уровень индивидуального развития. Создание такой системы на деле позволит реализовать право ребенка на индивидуальное развитие, на особые образовательные учреждения и право на реализацию собственной индивидуальности.

Система должна стартовать в детском саду и массовой школе, а значит, в детском саду и школе должны быть условия диагностики и обеспечения индивидуальной образовательной траектории. В новых стандартах начальной школы это уже записано. Важно продолжить эту линию в стандартах средней и старшей школы.

При разработке нового профессионального стандарта педагогического образования в программу подготовки учителя включены модули по психологии и работе с одаренными детьми. Целесообразным является создание национальных стандартов обучения для одаренных и талантливых детей. Специализированные образовательные стандарты уже показали свою эффективность в Великобритании. В отличие от большинства развитых стран – Великобритании, Канады, Франции, США и других, - в России отсутствуют нормативные акты, регулирующие особенности образования граждан, проявивших выдающиеся способности.

В проекте закона об образовании есть проект таких норм, он изложен сегодня в статье 166-й, и я рассчитываю на то, что в рамках общественной экспертизы данного законопроекта нам удастся внести наше видение.

Для выстраивания системы необходимо принятие федеральной целевой программы. Что же, в целом, предстоит сделать? Систематизировать имеющиеся наработки, разработать национальную модель развития одаренности, реорганизовать просветительскую деятельность. Необходимым условием является создание в нашей стране все-таки культа таланта. Талантливым быть должно быть престижно. И не важно, в чем твой талант – в науке, в балете, в вокале, в исполнительском мастерстве на том или ином инструменте. И, конечно же, необходимо создание специальной программы выявления и поддержки талантов для того, чтобы выстроить систему.

Мы считаем, что основными направлениями подпрограммы являются три: это подпрограмма с условным названием «Сто школ», подпрограммы

«Сеть» и «От одаренного ребенка – к творческой реализации профессионала в обществе».

Подпрограмма «Сто школ». Основная идея - развитие сети школ при федеральных университетах, развитие системы дополнительного образования, создание обогащенных развивающих программ обучения, а также программ ускоренного обучения, создание системы оценки фиксации результата (я думаю, что здесь идеи электронного портфолио и ряда других могут быть использованы).

Подпрограмма «Сеть». Речь идет о создании многопрофильной электронной гимназии как места встречи ученика с талантливым учителем, как места встречи ученика с другими учениками по познавательным интересам в форумах, блогах, как возможность обучения по развивающим углубленным программам. Сеть талантливых учителей, разработка новых учебных программ, ежегодное повышение квалификации (особо обращаю на это внимание – сегодня учитель не имеет возможности для полноценного ежегодного повышения квалификации), сетевое общение через Интернет – конференции, съезды – как методика или методология сбора положительного опыта и его ретрансляции.

И третья подпрограмма – это «От одаренного ребенка к творческой реализации профессионала в обществе». Здесь подразделы – профориентация талантливых школьников, поддержка студенческих проектов, поддержка старт-апов в науке и творчестве. Мы считаем, что вся программа должна иметь цикл от старта работы с талантливым ребенком до его творческой реализации в обществе, до создания им первого значимого продукта, признаваемого обществом. Это может быть научное изобретение, это может быть победа в творческом международном конкурсе, - все зависит от вида деятельности.

Механизмом может быть механизм грантов, который уже апробирован в нашем государстве. Самое важное – что к этому механизму должны быть допущены все образовательные организации всех ступеней организация и всех видов форм собственности.

По сути, система поддержки талантов являет собой совокупность интеллектуальных сетей – сетей учреждений, детей, учителей и сетей методологов, которые помогают работать в этом направлении.

Я, находясь в стенах Общественной палаты, не могу не сказать о том, что большое количество общественных организаций работают в этом направлении. И это такие известные организации, как «Фонд Потанина», фонд «Вольное дело». Есть более мелкие структуры, но которые действительно поддерживают различные конкурсы очень интересной направленности – той направленности, которая отсутствует, допустим, в системе олимпиад. И я привела пример: на одной из Интернет-олимпиад на знание финансовых рынков. Очень узкое направление в знаниях по экономике ученика, но, тем не менее, интерес во всех регионах у детей есть.

Каковы же приоритетные направления деятельности Общественной палаты? Это содействие формированию национальной системы выявления и

поддержки талантов из различных возрастных и социальных групп. Работа над законопроектами. Создание социальных лифтов для одаренных детей. Поддержка инфраструктуры поддержки одаренности человека в течение всей жизни. Взаимодействие с международными общественными организациями в этом направлении. И, конечно, усиление просветительской работы, с точки зрения создания культа таланта в стране.

Спасибо большое.

- (Кузьминов Я.И.) Спасибо большое, Любовь Николаевна.

Коллеги, кто хотел бы, поскольку речь идет, как Вы видите, о представлении достаточно серьезного и проработанного проекта программы выявления и поддержки творчества на уровне общеобразовательных школ, давайте вопросы. Пожалуйста. Просьба называться, коллеги!

- (Зелькова Л.Г.) Зелькова Лариса Геннадьевна.

Скажите, пожалуйста, а кто будет реализовывать эту программу, о которой Вы говорили? Кому эта программа адресована?

- (Духанина Л.Н.) Вы знаете, если программа государственная, то там прописывается... Я думаю, один исполнитель там не будет. Я думаю, что будет большое количество исполнителей. А дальше, если возникает в какой-то части механизм грантов, то существует оператор, а дальше исполняет тот, кто выигрывает.

Дальше: Она очень много направленная. Вот, например, в части развития стандартов кто будет реализовывать? Министерство образования – на этапе контроля и создания этих стандартов, а дальше исполнителем уже становятся субъекты с их системой детских садов и школ.

Здесь невозможно ответить... Когда мы говорим о создании в государстве системы, фактически, должна быть задействована вся инфраструктура учреждений образования, культуры, науки, я считаю, что бизнес и общество.

- (Лукьянова Е.А.) Лукьянова. У меня тоже вопрос. Вы сказали, что стандарты делает Министерство образования. На самом деле, в самом первом законе о школе, который мы сделали в 1989-м году, мы заложили – вот как раз наша была идея – заложить стандарты: это минимальное образование, а сверх них – все остальное – дифференцированное, разное, более глубокое. Прошло 20 лет, нормальных стандартов нет. Все огромные деньги, которые были на это выделены, ушли в никуда. Повторяю, стандартов нет. Это фикция – стандарты. Поручить это Министерству образования – это значит еще раз похоронить выделенные средства и программы.

- (Духанина Л.Н.) Вы знаете, ограниченность по времени не дает мне возможности говорить подробно. Я могу сказать, что на сегодня в России принят стандарт начального образования, и он действительно очень прогрессивный по отношению к стандарту, который у нас действовал. Механизм принятия не таков, как, может быть, показалось из моего выступления, - что сидит Министерство и пишет. На этапе уже принятия решения было предложено различными научными, педагогическими сообществами три стандарта, Создана специальная комиссия, которая

определяла, какой стандарт поддержать, после чего эта комиссия, в состав которой входят и ученые, и представители регионов, Общественная палата, - я могу сказать, это колоссальный, большой труд, - изучала, делала экспертизу. Экспертизу делали несколько общественных организаций. Был определен перечень общественных организаций, их всего пять, которые делали экспертизу такого уровня документа, в том числе и Общественная палата.

По настоянию Общественной палаты была создана группа мониторинга.

Я просто хочу, чтобы Елена Анатольевна не представляла ситуацию такой, что сидит Министерство образования, само пишет и само чего-то утверждает. Такой ситуации уже нет. Активность общества большая, и я могу сказать, что по настоянию Общественной палаты внесена индивидуальная образовательная траектория и увеличено количество часов в школьном компоненте – с двух часов до десяти – для того, чтобы дети действительно имели возможность выбора. Да, каждый сможет выбрать два либо три кружка из десяти. Один выберет одни, другой выберет другие. Сейчас вопрос уже стоит дальше – насколько регионы смогут этот прогрессивный стандарт реализовать. Большие изменения... Да, все.

- (Кузьминов Я.И.) Коллеги, вопрос, который наша коллега Лукьянова подняла, наверное, у многих есть. К сожалению, у нас большинство программ разрабатывается чиновниками для отчета перед чиновниками. Мне кажется, что в последний год буквально российские общественные организации сделали две программы. Это программа поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и программа, о которой Любовь Николаевна докладывала, - поддержки и развития творческого потенциала нации, которые сделаны не чиновниками. И к той, и к другой программе удалось привлечь внимание Президента России. Теперь, мне кажется, мы должны не только критиковать и дополнять эти программы – мы должны еще бороться за их статус, за то, чтобы эти программы стали именно Президентскими программами. И только в условиях постоянного включения первого лица государства сегодня мы можем в таких тонких и непонятных для чиновников секторах, как творческий потенциал нации или некоммерческие организации, добиться реальной эффективности этих программ.

Вот мне кажется, что мы с Вами должны записать в наши рекомендации и на встрече с Президентом настаивать на том, чтобы такого рода программа получила статус Президентской программы, чтобы Президент регулярно собирал свой Совет – у него ведь есть свой Совет по образованию, Совет по культуре, - и обсуждал бы с представителями Общественной палаты, с Эллой Памфиловой, представителями общественности, как идет реализация этих программ.

- (Гельман М.А.) Мне кажется, все-таки, важно не обманывать себя, потому что у нас программы не работают из-за того, что нет компетентности. То есть, я смотрю, как у нас в Перми, - огромное количество программ...

- (Кузьминов Я.И.) Это Гельман. Все скромные такие, никто не хочет называться.

- (Гельман М.А.) Марат Гельман. Я хочу сказать, что, мне кажется, надо переходить к созданию высокопрофессиональных инструментов. Потому что сегодня Вы создаете программу, и ей абсолютно не на что опираться. Если она опирается на то же... Вот Вы говорите или здесь дали бумагу, что у нас в стране 2,5 тысячи музеев. Ну, это название, это 2,5 тысячи хранилищ. А реально как музеи работают 7-8. То есть, они могут быть инструментами для того, чтобы что-то делать. А все остальные – не инструменты, что Вам это даст? Вы им распишете программы – они просто реально с этим не смогут никак работать.

Создали для творческих... Я просто хочу сказать, что была программа с бизнес-инкубаторами. Ну, казалось бы, должна работать. Она абсолютно не работает! Ну, практически, не работает! Все равно, что девушка хочет иметь ребенка, она купила квартиру, поставила диван, выключила свет, включила музыку, мужчину не пригласила. То есть, вот это – как работают у нас программы. То есть, мы понимаем, как «купить диван», а что надо запустить некий творческий механизм. Мне кажется, что именно инструменты, именно все эти творческие люди – они же амбициозные. Вы не можете им нарисовать прекрасную как бы дорожку до десятого класса, а потом до института, а потом взяли, обрезали – и что им делать? Только за границу уехать?

- (Медоева З.Г.) Извините, пожалуйста. Медоева.

Вы знаете, меня насторожило кое-что в том, что Вы говорили, потому что речь касается детей, а я с детьми работаю очень много и давно, и с творческими ребятами в том числе. В нашей стране, к сожалению, не престижно быть ребенком. Вот это проблема, которая над нами висит.

Я совершенно с Вами согласна – я не представляю тех людей на сегодняшний день, их очень мало, которые возьмут на себя такую ответственность – выявление талантливых или неталантливых людей на стадии детского садика или на стадии, условно говоря, школ. Мне приходилось присутствовать при очень большом количестве всяких конкурсов, когда проходили первые, вторые, третьи туры, - я вообще не понимаю, что делают с детьми и кто с ними работает, и как эти люди допущены к этой ситуации. Я абсолютно с Вами согласна: инструмент и подготовка людей к тому, чтобы прикоснуться к ребенку, должны быть очень бережными, будем так говорить. Пока такого объема талантливых педагогов...

Ну, будут в каждой школе по 25 кружков, и будут преподавать непрофессиональные люди все эти предметы, все это будет на дилетантском уровне, - Вы никогда в жизни не выявите талантливого ребенка, и опять это все будет покрыто какой-то паутиной, тиной, непонятно чем.

Престиж самого ребенка в стране – не таков, и очень многие суперпрофессиональные люди считают недостойным для себя общаться с малышами. А все закладывается, конечно, Вы абсолютно правы, с первых

дней. Дети очень часто закомплексованы, зажаты - это вовсе не значит, что они не талантливы.

Педагогика и выявление таланта – это время и терпение у человека, который к этому прикасается. Это очень важный момент. Это работа психологов, простите, в очень большом аспекте. Психологи – больше, чем педагоги.

- (Бычков В.В.) (нрзб.), очень важно то, что Вы сказали, но дело в том, что мы не можем ждать все-таки, когда мы воспитаем целый класс талантливых педагогов.

- (Медоева З.Г.) Безусловно!

- (Бычков В.В.) Должна быть, все-таки, параллельно создана ситуация, когда мы, исключая субъективный фактор наличия или не наличия в школе талантливого педагога, все-таки запускаем некую программу, по которой, как, может быть, в такой большой сети эти таланты начнут развиваться.

- (Медоева З.Г.) Безусловно. Давайте тогда обратимся к профессионалам, которые занимаются теми или иными видами творчества. Господин Церетели, который обучает детей, - это Церетели обучает детей. Или профессиональные педагоги, которые приходят, - профессиональные режиссеры или актеры, - вот на этом уровне надо, может быть, решать вопрос. Наверное, каким-то образом, надо это делать. И делать это престижным для больших профессионалов.

- (Кузьминов Я.И.) Прошу прощения. Давайте, коллеги, соблюдать регламент, если можно. Потому что здесь много людей хотели бы выступить.

- (Ушаков К.М.) Ярослав Иванович, можно вопрос? Ушаков Константин Михайлович.

Я бы хотел, может быть, не совсем уместный вопрос поставить. Существуют ли какие-нибудь объективные данные, говорящие, что вложение в 7% для общества важнее и даст больше результат, чем вложение в оставшиеся 93%? То есть, это просчитано кем-то, что именно такая стратегия дает наилучший результат? Это вопрос.

Маленький комментарий: я бы хотел обратить внимание на те очень интересные цифры, которые были здесь приведены. По российским оценкам, талантливых – 7%, а по канадским – 70%. Значит, вложение в талантливых канадских детей – это вложение в большую часть системы образования. Вложение в 7% - это создание замкнутой касты элиты. И я бы хотел просто поставить вопрос не потому, что я плохо отношусь к этой программе, - нет. Я хочу выяснить целесообразность и последствия такого рода деятельности. Не увеличивает ли такая программа уровень социальной разобщенности - мягко скажем это так, - на которую, на самом деле, сегодня система образования работает? Спасибо.

- (Духанина Л.Н.) Можно, я отвечу?

- (Кузьминов Я.И.) Нет. Не надо, коллеги, превращать это в дискуссию. Да, пожалуйста.

- (Кротов) Я отвлеку на минуту Ваше внимание. Моя фамилия Кротов, я главный редактор журнала «Квант». И я хотел бы вообще предупредить оценки

экономические и всякого рода... Мне казалось, что вообще детей неталантливых не бывает. Вопрос стоит только в том, насколько своевременно, насколько правильно, насколько толково будет создана та талантливая среда, которая в каждом из них этот талант выявит и направит его туда, куда следует. И наша, мне кажется, задача – именно об этом думать, а не делить на правых и левых и распределять по этому поводу средства. Спасибо.

- (Кузьминов Я.И.) Уважаемые коллеги, мы несколько больше времени, чем полагается для одного выступления, отвели на дискуссию по поводу представленных предложений Любови Николаевны. Мне кажется, что некоторая часть выступления все-таки полемизировала не с тем, что содержится в этой программе, а с некими другими вещами. Во-первых, совершенно очевидно, коллеги, что потенциально талантливых детей – огромное большинство. По-моему, это очевидно. И, зафиксировав этот факт, мы должны с Вами, к сожалению, прийти к еще одному заключению, помимо того, что школа их не улавливает, что школа построена на воспроизведении рутины: ни в одном обществе не удастся развить все потенциальные таланты. Это проблема ресурсов – не только денег, это проблема талантов тех людей, как Вы совершенно правильно сейчас сказали, которые работают с детьми. Ни одно общество, к сожалению, не может в состав учителей, работающих с совсем младшими школьниками (а это то место, когда формируется талант), отрядить абсолютно всех талантливых своих представителей. Это реальная проблема, реальная трагедия доисторическая(?). Потому что не удастся уловить, дать развиться таланту примерно двух третей в самом богатом, в самом демократически устроенном, гуманно устроенном обществе. Постепенно человечество движется ко все большему и большему охвату возможности реализовать свой талант, но в нашей жизни, к сожалению, мы должны исходить из того, что этот идеал не будет достижим. Поэтому мы должны говорить о движении к нему, а не о том, чтобы предложить такую рода модель, - нас никто всерьез не воспримет, к сожалению.

Коллеги, я хотел бы остановиться на трех вещах, где мы можем привлечь внимание и общества, и государства к тому, что у нас делается.

Первое: у нас 25% молодых людей – Любовь Николаевна об этом говорила – относят себя к талантливым. Ну, то есть, говорят: «Да, у меня есть способности, я хотел бы их реализовать». Высшее образование у нас получают 60% когорты молодых людей и 80% тех, кто оканчивает полную среднюю школу. Понимаете, уже состав студентов формируется теми, кто не рассматривает себя как человека способного, не имеет никаких способностей, не имеет куража, извините меня, интеллектуального или творческого. А ведь это очень тяжело сказывается на тех, кто талант имеет и вместе с этими ребятами учится в вузах.

Мне кажется, что пора привязать государственную поддержку студентов в качестве их подготовки и прорыву способностей. Ну, например, большие государственные гранты на обучение давать тем, кто победил на олимпиадах, на творческих конкурсах. Сейчас этого нет. Есть у нас

«измеритель» - ЕГЭ, по-разному к нему люди относятся, но он пока единственный, который есть. Вот те, кто получил по ЕГЭ меньше 50 или 55 баллов из 100 по профильному предмету, - не нужно им давать бюджетной поддержки - это, в общем, издевательство над здравым смыслом и отъем денег от инвестиций в реально талантливых людей. Можно обсуждать, как это сделать, но речь идет о направлении ресурсов в государственную поддержку тех, кто доказал свои способности, свои таланты.

Вторая проблема – креативность. У нас парадигма общеобразовательной школы: «креативность, талант – это работа головой», точка. Вот такая «политехническая» школа. Креативность надо внедрять с помощью всех возможных методов. Это и работа руками, и работа телом, это и пластическое искусство, это лепка. Понимаете, значительная часть талантов людей лежит не в традиционно интеллектуальных областях. И, отказывая этим людям в творческой реализации с порога детства, мы очень многое убиваем.

И, наконец, мне кажется, что нам надо четко записать, что необходимо менять стереотип средней школы: «талантливых людей очень мало». Нужно менять просто генный код школы. Для этого надо поменять фигуру учителя, привлекать в общеобразовательную школу талантливых, амбициозных людей, и на это должно быть направлено ядро государственной политики. Не изменение программ, не наполнение предметами, а изменение фигуры учителя.

Исаак Давыдович Фрумин, научный руководитель Института развития образования Высшей школы экономики.

- (Фрумин И.Д.) Уважаемые коллеги! Тут было уже так много сказано, что я существенно сокращу свою презентацию. Но скажу несколько простых тезисов.

Во-первых, все-таки, мы, действительно, рассматривая талантливость и креативность как синонимы, забываем про простое обстоятельство. Сегодня настолько растет тот сектор экономики (его принято называть сервисным), в котором от человека требуются нерутинные действия – продуктивные, самостоятельные, инициативные действия, что обсуждать креативность как исключительную характеристику, - об этом сейчас говорил, фактически, Ярослав Иванович, - это означает оставаться в представлениях индустриального века.

К сожалению, тут английские слова. Это одно из самых классических исследований – «Изменения в характере труда», правда, в Соединенных Штатах, но весь мир двигается в этом же тренде. С 1969-го по 1998-й год, за 30 лет, когда они смотрели, как меняется доля профессий или доля действий рутинных и нерутинных в современной экономике. И Вы видите существенное сокращение – обратите внимание! – как рутинных интеллектуальных действий, так и рутинных ручных действий, и существенное возрастание доли деятельности, в которых требуются экспертное мышление, комплексная коммуникация и так далее.

В этом смысле можно сегодня говорить, что креативность, которая, например... Вот мы недавно обсуждали это с руководителем нашего «Сбербанка», который говорит, что «мне нужны не просто операторы, а креативные операторы, которые могут к каждому клиенту отнестись индивидуально. В этом смысле, возможно, это кому-то покажется безбрежным расширением идеи креативности, но если мы посмотрим на реальность современных экономик, мы увидим, что это так.

Итак. Еще раз хочу подчеркнуть: продуктивное, самостоятельное, нерутинное действие.

И надо сказать, что если мы посмотрим, например, на наших работодателей... Это – опрос выпускников вузов, пришедших через три года после того, как они начали работать, по целому ряду вузов. Фактически, они говорят, что только до 20% рабочих позиций, все участки работы – описанные алгоритмы. А более чем для трети позиций, практически, все задачи требуют инициативности и самостоятельности. Что означает для, скажем, школьного образования?

Вот, например, я буквально вчера решил посмотреть, а какие есть последние инициативы 2008-2009 годов в школьных системах других стран. И мы видим, я могу привести десятки примеров, на самом деле, мы выделим два... Посмотрите, в объединенной Европе одна из четырех всего целей образовательной политики. При всем моем уважении к разным типам воспитания – физическому, духовному, нравственному и так далее, они рассматривают принципиальную задачу расширения инновационности и креативности на всех уровнях обучения. Более 100 миллионов фунтов в Англии в 2009-м году выделено на аналогичную программу.

И в результате, посмотрите, действительно... Вот Ярослав Иванович сказал, что наша школа считает, что креативность – это нечто исключительное, достояние 3% каких-нибудь странных «волосатиков», которые не могут больше ничем заниматься. В Европе подавляющее большинство учителей полагают, что креативность – это фундаментальный навык, который школа должна развивать. А у нас это связывает, в основном, с искусством. Но даже если мы посмотрим на искусство, то мы увидим, что доля, например, предметов по искусству – можете не вглядываться в это детально, но выглядит этот слайд убедительно, а я скажу, что на нем написано, фактически, - что доля предметов по искусству и доля технологических предметов – это очень важно. Потому что сегодняшние технологические предметы в современном – я хочу подчеркнуть – школьном содержании, - это не только производство скворечников. Практически, во всех странах сегодня обязательным предметом является дизайн. Вы видите, что наша учебная программа существенно от этого отстает.

Но мне кажется, что проблема не только в школьном образовании, потому что в значительной степени эти ориентиры школьному образованию задает профессиональное.

Я, приближаясь к завершению своего короткого выступления, хочу сказать, что мы провели вместе с коллегами из Стэнфордского университета

в нескольких странах – России, Соединенных Штатах, Индии и Китае – исследование опыта студентов с точки зрения навыков, необходимых инновационной экономике. Это очень важно. Нас интересовало не то, что говорят по этому поводу ректоры и профессора, которые все выучили, что надо готовить... Они все услышали президента и сказали, что давно делают инновационное образование. Нас интересовало, что реально происходит со студентами (при всем моем уважении к ректорам). Обратите внимание, что наши студенты, в целом, оценивают качество своего полученного образования с точки зрения знаний по специальности, очень высоко.

Но если мы посмотрим следующий слайд, то мы увидим... Их спросили: «Как изменились Ваши коммуникативные навыки?». А коммуникативный навык – это важнейшая часть креативного действия, потому что креативное действие – это не действие внутрь себя. Так вот, что меня совершенно поразило, - что более 30% студентов вообще не изменили или ухудшили навыки за время своего обучения. Если же мы посмотрим на навыки письменной речи, то мы увидим, что почти 70% студентов не изменили или ухудшили навыки письменной коммуникации в университете.

И на следующем слайде мы видим, что таких... Это мы задавали вопросы, какие навыки не изменились. Там был список навыков... Мы, я уже говорил про письменную речь, здесь именно что не изменилось, а некоторые говорили, что даже стало хуже что-то. Вы видите, например, что такие важнейшие навыки, как способность организовывать труд других людей, умение общаться с представителями других культур, практически, для большинства не изменились.

И, с нашей точки зрения, это, фактически, означает, что сегодняшние и школа, и вуз в значительной степени ориентируются не на людей, которые производят действия, инициативных и самостоятельных, а которые только воспроизводят.

И завершающая парочка несколько депрессивных слайдов. Понимаете, ведь что говорят студенты? Они говорят, что, например, только если мы посмотрим, как используется проектная работа в небольших группах и лекции в наших вузах, то лекции используются для всех – 94% говорят, что часто. Но при этом почти 30% студентов (а это вопросы к выпускникам, к студентам выпускных вузов) никогда не участвовали в проектной работе.

Можно на этом, на самом деле, завершить эту как бы огорчительную часть нашего исследования. Я могу сказать откровенно – мы были очень разочарованы результатами. Потому что речь идет даже о хороших вузах, действительно очень хорошем вузе, где есть примеры групповой проектной работы. Оказывается, что это затрагивает очень малую долю студентов. Почему?

Вот это последнее мое утверждение. К сожалению, еще раз повторяю, то, о чем сегодня говорилось уже, - мы предполагаем, что эти навыки креативного инновационного самостоятельного действия нужны меньшинству. Мы рассматриваем их и соответствующие практики как нечто исключительное. В этом смысле идея смены стандартов и механизмов, о

которых говорил уважаемый коллега Гельман, безусловно, является предельно актуальной задачей. Мы можем написать какие угодно призывы, но если в учебных планах (а это и есть механизм, фактически) не будет занятий в проектных группах, если, действительно, мы будем сокращать прием по конкурсу... Я, кстати, хочу обратить внимание на разницу олимпиад и конкурсов. У нас стало очень много олимпиад, которые тоже проверяют знания, и очень мало конкурсов, в которых проверяются, собственно, продуктивные действия молодого человека. Вот в этом направлении, как наши исследования показывают и как показывает сегодняшней международный опыт, нам кажется, надо быстро и жестко менять ситуацию в образовании. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Исаак Давыдович. Мне кажется, это очень важно – то, что Вы сейчас в заключение сказали. Вообще, мы записали это даже в проект резолюции: переход от биполярной идеологии «знания – умения» к трехчастной системе «знания – умения - и практическое применение». Это очень важно, особенно в условиях сохраняющегося гигантского консерватизма профессиональных вузов и быстро меняющейся окружающей среды, - адаптация выпускников к этой среде.

Я хотел бы дальше предоставить слово Владиславу Ивановичу Кирпичеву, руководителю одной из старейших негосударственных творческих школ-студий ЭДАС. Владислав Иванович!

- (Кирпичев В.И.) Добрый день.

На самом деле, я человек практический. Вот уже больше 30 лет я занимаюсь с детьми от 2 лет и до 90 – опыт просто колоссальный. Вопрос, который сегодня возник, для меня просто большое счастье, потому что 30 лет мы все время говорим и думаем о том, что же такое творчество, и что такое творческие дети, что такое творческий потенциал, и в результате – тупики, тупики и тупики.

Вот сейчас что-то начало меняться. Но, опять-таки, как это все меняется? Если мы хотим говорить о «творческой» нации, мы должны понять, что существующие государственные стандарты мы должны разрушить, их просто не должно быть в том виде, в котором они существуют сейчас.

Дальше: стандарт должен давать полную свободу в реализации педагогической идеи. В противном случае, отпустить мне какие-то указания, как я должен работать, - это просто бессмысленная трата денег, на самом деле.

Вторая история, которая меня сегодня просто потрясла, - это то, что 7% каких-то одаренных детей. И тогда возникает вопрос: а что же делать 93%? Чем они будут заниматься вообще? Извините, я не знаю Вашу фамилию, но я с Вашими страшными вопросами просто полностью согласен.

Вы знаете, лично мой 33-летний опыт работы с детьми говорит о том, что неталантливых детей вообще не существует. Должна существовать некая база – государственная база, которая дает всем детям одинаковые возможности. В противном случае, как мы будем искать талантливых детей –

с мешком ходить, с кузовками, как за грибами? Ну, не получится такой у нас истории. Следовательно, опять-таки, деньги будут потрачены – точно совершенно – впустую!

Мы должны говорить совсем про другие вещи. Дело все в том, что когда мы говорим о разрушении стандарта, мы должны говорить о том, что стандарт должен быть как результат. Вот результатом должен быть стандарт, а не формирование процесса. Когда мы тратим деньги на то, чтобы искать детей, - это бессмысленно. Мы должны, наоборот, создать условия, при которых мы можем потребовать результат. Вот это другой разговор. Это во-первых.

Во-вторых, Вы знаете, сколько идей – столько и мнений. Ребенок должен иметь выбор. И что мы будем ломать копыя о том, как воспитывать творческую личность? Дайте возможность – и она сама воспитается. Уже на базе этого мы можем собирать урожай творческих детей.

Здесь, с моей точки зрения, - интересное противоречие. Дети наши просто несчастны. Потому что в данный момент развития нашего государства и общества в целом получается целая, совершенно жуткая, с моей точки зрения, история. Мы живем в современном обществе, но при этом мы учим детей по старым стандартам. Вы знаете, те стандарты, которые сейчас в третьем поколении вырабатываются нашими образовательными министерствами, уже устарели. Они уже устарели! Поэтому дети просто не понимают, чему их учат.

Школа перегружена. Что значит – перегружена школа? Да им просто неинтересно туда ходить. Они не хотят заниматься тем, чем им предлагается.

Следовательно, возникает тут же проблема педагогов. Как можно в детском саду прививать навыки ребенку, если мы до сих пор в детском саду, извините меня, вырезаем бабочек и осенние листочки?

Дальше. Сегодня – здесь тоже это звучало, к сожалению, - мы постоянно говорим об образном мышлении в России. Но, Вы знаете, проблема-то вся в том... Вот сейчас выступал предыдущий докладчик и говорил о том, что происходит и у нас, и на Западе. Вы знаете, дело все в том, что на самом деле все эти творческие процессы вызывают не образное мышление, а абстрактное. Так вот, если Вы посмотрите, что происходит у нас с абстрактным мышлением в стране, оно вообще просто отсутствует. Просто. У нас есть только одно – либо литературное мышление: мы все – литераторы, мы все прекрасно, наверное, этим могли бы оперировать, - но у нас нет совершенно абстрактного мышления. Абстрактное мышление формируется до 4-5 лет. Кто его формирует? Природа. Вот дано тебе – все, ты герой, не дано – значит, что делать...

Но его можно развивать. Вот 33 года мы пытаемся развивать абстрактное мышление – сложный процесс. Но мы это делаем. Наши дети могут делать то, чего не могут делать студенты второго курса. И я не шучу – это в возрасте 5-6 лет, это все можно посмотреть.

В современной России эти требования к детям в пятилетнем возрасте, в начальной школе жутко занижены. Просто жутко занижены! У нас одни

каникулы, и дальше – ну что, телевизор, и больше мы ничего не хотим делать. И как результат отсутствия этого абстрактного мышления, мы не имеем комбинаторных мозгов.

Дальше я бы хотел сказать еще две вещи и все.

- (Бычков В.В.) Владислав Иванович, регламент. Можно чуть-чуть?..

- (Кирпичев В.И.) Все, одну секундочку буквально.

Мы всегда в своей деятельности исходили из простой вещи. Когда-то Гете сказал гениальную фразу – что все дети гении. Вот мне кажется, что наше государство должно, прежде всего, исходить из этой вещи.

И последняя проблема – стратегическая для нашего государства. Мы не можем воспитывать и учить 7% одаренных детей, а на всех остальных наплевать. Это будет роковая большая ошибка. Потому что все стандарты – не идеальны, они не могут выявить вообще степень одаренности. И Вы прекрасно знаете, сколько всех били, наказывали, ставили плохие отметки, а потом этот двоечник становился гением. Пикассо, кстати, учился плохо. И у нас бы он никогда не стал Пикассо. Но тем не менее. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Владислав Иванович.

Вячеслав Леонидович Глазычев.

- (Глазычев В.Л.) Да, я хотел бы подхватить сюжет, который мой давний друг Исаак Давыдович Фрумин уже обозначил, – двигаться в прагматическом ключе. Я прекрасно понимаю, что чудес не бывает, и завтра сто тысяч ангелов в виде блистательных педагогов не возникнут, как Афродиты из пены морской. Есть другие вещи.

Вот я много-много лет тоже потратил на обработку «заказчика», у которого чаще всего не развито воображение – гуманитарное воображение, в первую очередь. И когда оперируешь этой терминологией, 40 лет назад я заставил издательство «Правда» обучить печатников колористике. Там можно было бы показать, насколько поднимается качество печати, ОТК, премии и прочее за счет этого развертывания, опираясь на японские разработки, взятые из наших разработок 20-х годов и развитые!

Вот Исаак показывал объем креативного массива в школе. Японец в 11-м классе сдает экзамен по 240 цветам! 240 цветов – различение. У нас, к сожалению, в языке нету столько понятий, и их надо еще конструировать.

Почему я говорю об этом? Потому что не выходит сегодня в техническую аргументацию и в технические средства совершенно немислимо.

Музеи – Марат об этом говорил. Вот пензенский музей – по-моему, одним из самых первых выпустил диск, на котором есть не просто коллекция, а еще есть примитивный пазл, игра с этим содержанием, которые позволяют войти в контакт. Есть совершенно замечательная вещь: анализ компьютерных игр показывает, что на рынке одна игра с гуманитарно нацеленным содержанием. Совершенно замечательная игра – «Лемминги», где задача – спасти от самоубийства племя этих леммингов, а не расстрелять... Она увлекательная, она хорошо сделанная.

Когда мы говорим о грантах, о президентской программе, нам, как минимум, нужен конкурс, нам нужен заказ на игры – увлекательные, интересные, но с милым человеческим, осмысленным развивающим содержанием.

Задача эта решаема. Две трети игр мира делаются у нас в России – на чужой заказ. Вот в Светлогорске – самая крупная фирма по созданию компьютерных игр. Где к ним заказ? Его нет, его не даст бизнес сейчас, его «стрелялки» устраивают.

Третья вещь, которую я хотел бы обозначить, - коллеги уже об этом частично говорили, но надо подчеркнуть. Даже когда преподается, извините за выражение, искусство, - это разговор об искусстве, а не вхождение в искусство. И изменить эту ситуацию через тысячи педагогов в них мы тоже не можем. И здесь без разработки этого инструментария – не только того, что замечательно делает Влад Кирпичев, знаю 30 лет всю эту работу, - но это штучная вещь, она не тиражируема, она неотрывна от личности руководителя студии. А нам нужно работать - все-таки, я за канадский вариант. Я верю, что больше. И, действительно, 90% - не вытянем, но 70% - да.

Трагедия в институте продолжается. Я преподаю, как и многие здесь сидящие. Абсолютное большинство людей не стремятся, не верят в возможности самореализации, за исключением получения диплома. Дивные исключения есть, счастье всегда – с ними работать, но это означает, что нам вузовские программы, в первую очередь, необходимо всерьез прорабатывать. Пока что это чудовищно.

Третий стандарт неплохо придуман, там очень много хорошего. А какое сопротивление против его введения от профессорского корпуса! Гигантское совершенно! Следовательно, в программе, о которой мы говорим, необходимо найти форму и предложить форму стимулирования работы, которая позволяет, действительно, перенести акцент с лекций на семинары, деловые игры, творчество, индивидуальную работу, корреспондентскую работу, на Интернетную работу. Это не будет без стимула реализовано! Пока высшая школа, в основном, подавляет это стремление, и здесь бюрократ впереди профессионального сообщества, к сожалению, а не сзади.

И последняя вещь, о которой я хотел бы сказать. Действительно, я участвую по долгу общественной и прочей профессиональной деятельности в обсуждении сюжета, связанного с этими, извините за выражение, моногородами. А на самом деле речь идет о кризисе малого города в стране в целом. Простое сопоставление ужасает. Закрывать предприятие – уволить 100% людей, модернизировать его – уволить 80% людей. 80%! Сфера услуг – опять-таки, Фруммин это обозначил, - услуг широко понимаемых, услуг от человека к человеку, от личности к личности или от типа к типу, - сфера эта должна будет расширяться. Нельзя выдавать пособие – скрытое пособие по безработице – в бесконечность, то, что мы делаем сейчас. Но это и означает развитие воображения, которое, прежде всего, и есть путь к свободе. Другого пути нету.

Я проводил много разных экспериментов и обозначаю только два. Первый: когда среднюю и высшую школу начинаешь доказательно предъявлять как инструмент решения мирных целей... Ну, скажем, когда курсовые работы – в Ижевске, Нижнем Новгороде я это делал, - все вузы города работали на темы, важные для города. Это дало чрезвычайно сильный результат.

А с другой стороны, когда я провел сбор сочинений одиннадцатиклассников десяти атомных городов России – лучших городов по качеству городской среды, относительно приличных – не очень хороших, но по заработку, - одиннадцатиклассники, завтрашние взрослые люди, если суммировать суть этих сочинений: «Какой славный город! Как жаль, что придется уезжать!». Чего у них нет? Свободы выбора. Но научиться пользоваться свободой выбора без развития гуманитарного, художественного, художественно-технического, какого угодно, всего воображения – невозможно. Это мы должны, на мой взгляд, перевести, по возможности, - не в раз, не в сегодняшней... - в инструментальную цепочку программы именно государственно-президентской поддержки ключевых вопросов.

А самые талантливые – да они все равно пробьются!

- (Кузьминов Я.И.) Пожалуйста, Софья Федоровна Максимова, директор научно-методического центра по художественному образованию.

- (Бычков В.В.) Господа, я прошу придерживаться регламента. Просто мы все не успеем высказаться.

- (Максимова С.Ф.) Спасибо, я попробую. Я первый раз выступаю на таком высоком уровне. И, слушая предыдущие выступления, внутренне я все время приговаривала: «Есть, есть, есть такая партия», о которой Вы говорите!» Она есть, но она умирает. И по очень простой причине. У нас в стране существует еще один вид образования детей в сфере искусства, который не является дополнительным образованием детей, потому что не проходит ни в одни нормативные документы по этому типу образования, не имеет своей нормативной базы, существует за счет энтузиазма просто людей, которые там занимаются.

Но что имеет эта система? Этой системе более 100 лет, она имеет потрясающие собранные методики работы с детьми – индивидуальной, мелкогрупповой, крупногрупповой. Эта система имеет методики обучения различным видам искусств, включая обязательно разнообразие жанров и стилей этих видов искусств. Эта система опирается на генетическую память детей, и, практически, у нас есть школы, восстанавливающие фольклорную и духовную культуру России в детском варианте, - то, что было разорвано из-за различных исторических условий.

Эта система сейчас умирает потому, что в 1992-м году жестко, абсолютно безосновательно она была внесена в систему дополнительного образования детей, а работает она комплексно. Сегодня много говорили о таланте и способностях. Если я правильно поняла выступающих, талант, гениальность – цитирую Шлегеля: «Гениальность – это система талантов».

Если продолжить эту мысль, - талант – это система способностей. Смысл обучения талантливых детей заключается в комплексном обучении. Смысл обучения и развития детей в учреждениях дополнительного образования – это, прежде всего, развитие способностей, отдельных способностей, и выявление тех детей, которые обладают комплексом.

Наши школы настроены на комплекс. Они уже берут почти всех детей, но комплексно их развивают до разного уровня. Не каждый детский талант, даже комплекс, превращается во взрослый талант, но возможность восприятия произведений искусства можно дать, практически, всем. Возможность создания нового продукта – это все равно единично, это не для всех.

Но мне кажется, что сейчас надо, помимо всего прочего, представлять себе людей несколько более сложной системы в социальном отношении даже, чем я слушаю все время. Необходимы люди, создающие новое; необходимы люди, воспринимающие и работающие в этом новом; необходимы люди, которые не отталкивают новое; и любому обществу необходима консервативная часть, не воспринимающая новое. Это тоже здоровая часть общества. Она просто не должна зашкаливать в процентном отношении.

Наши школы, наши необычные школы (еще у нас есть 20 школ, которые профессионально воспитывают детей с первого класса) сейчас, практически, умирают. Мы не можем на протяжении последних десяти лет доказать Министерству образования, что необходимо внести изменения в законодательство, прежде всего, в Закон об образовании, который бы позволил существовать нашим уникальным десятилеткам, нашим действительно уникальным, потому что нет такого больше в мире, детским школам искусств. Мы не можем на сегодняшний момент объяснить Министерству образования, что предлагаемые нам стандарты жестко унифицированы. Они не воспринимают вариативность образования, а она нужна не только в области искусств, но и в любой другой. Не позволяют, очень жестко стоят.

Кто и когда разрабатывал стандарты, какую общественную экспертизу они проходили, я не знаю, но я согласна с тем, что макет стандарта очень разумен, но содержание стандарта жестко, просто, знаете, жестоко жестко унифицирован, не позволяя ничему развиваться.

И несколько об общеобразовательной школе. Вот передо мной Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования. И здесь есть цифры, говорящие о том, что дети с 1-го по 4-й класс при пятидневной неделе будут заняты в школе около 6 часов – это обязательная часть стандарта. И еще 13 часов в неделю – это дополнительное образование детей.

Что это означает для нас? Для нас это означает, что наших детей будут не отпускать из общеобразовательной школы в наши школы. Это происходит уже и сейчас. Но когда эти часы теперь внесены в стандарт и стали как бы обязательными, начнется просто война между родителями и

преподавателями. Преподаватели будут защищать свою нагрузку и обязанность отчитаться о стопроцентном посещении детьми кружков и так далее, а родители будут пытаться настаивать на том, чтобы у детей был выбор, защищая права ребенка.

Я, честно, первый раз на таком высоком собрании выступаю. Я не знаю, какова роль возможностей Общественной палаты, но я представляю себе, что определенное влияние на законотворческий процесс Общественная палата имеет. И я очень прошу Вас внести в резолюцию решения Общественной палаты вопрос о необходимости немедленного скорейшего изменения законодательства для спасения детских школ искусств и наших уникальных колледжей, где дети воспитываются с раннего возраста и обучаются там профессиональным навыкам. Очень Вас прошу, потому что, в противном случае, мы не дождемся общих изменений в законодательстве. Мы погибаем.

- (Кузьминов Я.И.) Спасибо большое, Софья Федоровна. У нас, действительно, есть, коллеги, возможность сейчас существенно повлиять на Закон об образовании. Сейчас новый Закон об образовании делается. И если Вы предложите конкретные формулировки, то я готов оказать все возможное влияние.

- (Максимова С.Ф.) Спасибо! Весь пакет законопроекта готов. Спасибо!

- (Кузьминов Я.И.) Передайте, пожалуйста, нам.

Пожалуйста, Ефим Лазаревич Рачевский, заместитель председателя Комиссии по развитию и образованию.

- (Рачевский Е.Л.) Я начну с того, что школы искусств надо поддержать. Вобщем, все, что связано с искусством, надо поддерживать.

Когда Ярослав Иванович говорил вступительные слова и сказал о том, что школа губит таланты, первое, что я сделал, я посмотрел на свои руки, и я себя как-то душителем сразу представил, как директор школы. Но, более того, я с ним согласен, на самом деле. Хочет того школа или не хочет, действительно, там что-то пропадает. И с момента появления ребенка в родильном доме и до попадания его в члены Общественной палаты, допустим, происходит фильтрация, фильтрация, фильтрация, фильтрация. У нас же нет... Вот Глазычев вышел, да и Гельман... Мы не все Глазычевы, там, Гельманы и так далее, - это закономерный процесс.

Тем не менее, я всех слушал сегодня и, естественно, задавался вопросом: что-то делать ведь надо в этой ситуации!

Что делать? Я попытаюсь сначала дать небольшую констатацию. Вот исследование, которое провела Межрегиональная ассоциация мониторинга, статистики и образования во главе с Марком Абрамовичем.

Посмотрите, пожалуйста. Здесь три группы стран. Одна группа – это страны наиболее развитые; вторая группа – это страны, куда входит Российская Федерация, они менее развитые; есть развивающиеся страны. Охват детей разных возрастов системным образованием. Россия – видите, мы очень сильно отстаем от всех в охвате детей дошкольного возраста. Вот коллега, Кирпичев Владислав Иванович, сегодня говорил об этом, - что мы

теряем как раз в тот самый момент, когда формируется личность, - в этот период с 3 лет и так далее.

Вот Россия, в данном случае, - охват детей семилетнего возраста. Красненькое видите, да? Тоже 11-я позиция. За нами идут уже африканские страны.

И дайте последний, третий слайд, и со слайдами мы покончим. Совокупная аудиторная нагрузка школьников. На днях Президент сказал, что, оказывается, наши школьники не перегружены. Я, как директор школы, где учатся 2000 детей, точно заявляю: наши школьники не перегружены. И пора прекратить кликушество по поводу того, что они без воздуха живут. Самые длинные в мире каникулы – в Российской Федерации. Там еще, правда, на Цейлоне такие же длинные каникулы – три с половиной месяца, практически. Дальше: самая короткая учебная неделя, на самом деле, у нас. Вот годовая аудиторная нагрузка российских школьников, особенно младший возраст – видно, да? Россия – красненькая. Я ошибся – население – Египет, Тунис и почему-то Ирландия из 55 рассматриваемых стран.

Я хочу напомнить: талант покоя не дает, а мы их выгоняем туда, где покой.

Слайды больше не нужны, я перехожу к предложениям.

Во-первых, коллеги, думаю, согласятся с тем, что, по данным всевозможных исследований, дети в период с 3 до 7 лет обладают важными, существенными базовыми способностями. Я их наблюдаю каждую весну. Что это за базовые способности? Это способность работать в проблемном поле, способность и умение задавать вопросы, групповая коммуникация – и так далее. Еще – способность увидеть существенное. Часто ребенок видит существенное в рисунке, фильме и так далее, чего взрослый может и не увидеть.

Потом они приходят в 1-й класс. Там начинается замечательный процесс унификации. И при этом есть не миф, а действительно норма или вывод, сделанный в тысяча девятьсот каком-то году – очень давно, а потом зафиксированный в нормативе 1975 года, - что учебная деятельность в начальной школе является ведущей. Главный авторитет для ребенка – это учитель, директор – это небожитель и так далее. Мама-папа на втором плане, одноклассники вообще где-то сзади.

Потом он переходит в подростковую школу, учебная деятельность перестает быть ведущей. Но дидактика в подростковой школе в 5-м классе, когда у него совершенно иные интересы, - точно такая же, как и в начальной школе. И начинается существенная ломка.

Кто-то сегодня говорил о деятельностной педагогике. Я полагаю, что реальная свобода в России началась не тогда, когда была принята Конституция либо был провозглашен парламент, а когда людям разрешили лежать и сидеть на газонах. Помните, раньше нельзя было? Теперь можно. Я был потрясен лет 20 назад, когда побывал в Сан-Франциско в эксплораториуме. Эксплораториум – это гигантский музей. В музее же что написано? «Трогать руками нельзя». А там надо трогать руками! Там надо

смотреть, как устроена червячная передача, там можно увидеть различные оптические вещи, там можно посмотреть, из каких кусков состоит реальный двигатель внутреннего сгорания, и так далее.

Поэтому первое предложение – не новое, я его предлагал при встрече с Дмитрием Анатольевичем, с Владимиром Владимировичем, с Юрием Михайловичем и так далее: давайте в Российской Федерации сделаем хотя бы один эксплораториум – интерактивный музей. Я в своей школе на 3-м этаже сделал. Я нашел эти 3 миллиона и сделал.

Потому что для тех детишек, которые вступают в рискованный подростковый возраст (я имею в виду 10, 11, 12, 13 лет), - ведь там у нас самые большие потери! Я хочу напомнить данные ПИРС(?) 2006 года, когда Россия заняла первое место в мире по качеству учений(?). А в Пизе – в 28-й, не помню, Ярослав, - в 30-й какой-то(?) – куда оно все исчезает?

У нас два места провала. Первый провал: если во Франции 97% детей младшего возраста с 5 лет включены в системное образование, в России – только 67%, когда-то было больше. У нас провальная система дошкольного образования.

Ну, я на днях в блогах посмотрел, как группа педагогов голодает где-то в Сибири. Голодают они с тем, чтобы удовлетворена была их просьба, обращенная к Президенту, о возрождении системы дошкольного образования, которая рухнула в начале 90-х годов. Это один провальный момент.

И второй провальный момент: жуткая система, начетническая система – система кодирования и декодирования в подростковой школе. Когда, действительно, вместо трехзвенного этапа «услышал – запомнил – воспроизвел» нужно множество мастерских. Мастерских – в буквальном смысле слова, (нрзб.) вот Ярослав сегодня говорил, - телом, руками и головой. Ну, есть школы, где это сделано. Я человек скромный, но скажу: в моей школе это сделано. Отдельное здание подростковой школы – сплошные мастерские. Художественная лепка, керамика, авиаконструирование и так далее. Им свойственно очень многое пропускать через действия. В связи с этим, дабы ни у кого время не воровать, я хочу обозначить несколько безнадежных вещей.

Первая безнадежная вещь – приход в школу гигантского количества талантливых учителей. Я полагаю, что в ближайшие десятилетия, может быть, этот процесс и будет происходить, но очень медленно.

Кстати сказать, в условиях начавшейся учительской безработицы (она в Москве началась уже) очень сложно молодым и талантливым попасть в школу – им никто место уступать не хочет. Это одна из причин. Вторая причина – как в любом гуманитарном процессе, нельзя, чтобы решение, принятое в понедельник, было в пятницу реализовано. Но, оптимистично, они придут все равно, это совершенно точно.

Второе: школа не поменяется. Невзирая на то, что сейчас были упомянуты стандарты для начальной школы, на самом деле, это колоссальный прорыв. Потому что впервые государство взяло на себя

обязательства финансировать не только 20 часов в первом классе математики, русского языка и физкультуры, но еще и 10 часов – еженедельно 10 часов – на каждого ребенка того, что мы называем креативной деятельностью: экскурсионные программы, мастерские и так далее. Поэтому я не разделяю опасений по поводу того, что это нанесет удар школам искусств. Наоборот, это подвигнет. Потому что существуют всякие(?) практики межбюджетных отношений. Я потом Вам расскажу, какой есть выход из этой ситуации.

Третье: группа рисков, на мой взгляд, - это наше, исключительно российское стереотипное представление о том, что талантливый человек почему-то всегда обязательно... Помните этот образ, который нам кинематограф прошлых лет, - профессор, который путает носки с перчатками, заедает водку живыми рыбками из аквариума, в баню ходит раз год и так далее. Изменилась абсолютно ситуация! Сегодня талантливый человек – он спортивен, он не курит (так мне кажется, по крайней мере; вот я знаю, Вы не курите уже), он четко знает, он планирует свою жизнь и так далее. Это совершенно иной стиль, иной тип! Он у нас, увы, до сих пор еще не предьявлен обществу.

Заключение очень простым будет у меня. Первое предложение – я постарался внести его в проект резолюции, и, поскольку вхожу в рабочую группу по подготовке нового закона об образовании: сделать дошкольное образование с 5-летнего возраста в Российской Федерации, в той или иной форме, обязательным. Как это сделали, допустим, уже в Якутии, Чувашии и еще некоторых регионах.

Дабы это не воспринималось как тюрьма для младших школьников, что я имею в виду под «обязательным»? Не обязательно институционально. Но те же английские семьи получают системные бесплатные консультации по тому, как работать со своим ребенком, в близлежащей школе. Это первое.

Второе: поскольку, к счастью, еще не готовы стандарты для подростковой школы, то убрать оттуда то, что надо убрать (а я это упоминал уже, дело не в предметах), и внести туда необходимый элемент, направленный на деятельность и на педагогику. Если эти две вещи мы сделаем, то хоть система и гуманитарная, но все-таки она система, и всегда есть какие-то элементы, изменение которых может повлечь за собой изменение всей системы. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Ефим Лазаревич, просто чтобы не забыть: у меня есть инвестор именно на интерактивный музей, такой богатый идеалист. Давайте поговорим после.

- (Рачевский Е.Л.) Про интерактивный музей – одно слово, и я замолкну. Например, элементарны прибор – пять лампочек, там ручка, надо покрутить. Где лампочка 2 ватта - легко покрутить, где 50 ватт – тяжелее. У меня сразу представление о связи между энергией, светом и всем остальным, допустим. Конечно же, это надо делать. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Андрей Сергеевич?

- (Кончаловский А.С.) Кончаловский, режиссер.

Вы знаете, вот, слушая всех и особенно последнее выступление Ефима Лазаревича, у меня возникает ощущение, что вот не кажется ли Вам, что, безусловно, это очень важно – найти талант среди учеников... Мне кажется, у меня ощущение, что среди большинства учителей талантливых учителей не так много. И ведь не кажется ли Вам, что это главная проблема? Потому что воспитание таланта, прежде всего, строится на том, что учитель в маленьком человеке вызывает потребность... Что такое, почему некоторых учителей любят, а некоторых не любят? Не любят не тех, которые плохие или пьют, а тех, которые скучные. И вот эта проблема талантливого учителя, наверное, на сегодняшний день, мне кажется, не менее, а может быть, даже более важна, чем поиски талантливых детей, - в силу того, что, безусловно, надо поддерживать эту замечательную... Что существует парламент(?) государственный по поддержке талантливых детей и школ. Но основная проблема все-таки скатывается к тому, хотим мы или нет, что я вспоминаю такую фразу Антона Павловича Чехова в «Дяде Ване», когда Астров говорит: «Да, дорогой друг, на всем уезде было всего два порядочных интеллигентных человека – ты да я. Но в какие-нибудь десять лет, жизнь обывательская, жизнь русская затянула нас, и все мы стали такими же пошляками, как и все...».

Это очень серьезная проблема, ибо рутина любого действия, в том числе и школы, определяется тем, что люди существуют по нормативам. И не кажется ли Вам, что в любой программе, особенно если речь идет опять о привлечении Президента, все-таки?.. Вы знаете, сокращают количество милиционеров в министерстве, чтобы повысить зарплату. А не кажется ли Вам, что талантливые учителя должны так же прийти в школу, если мы подумаем о том, чтобы все-таки часть каких-то финансов в государственную программу были (нрзб.) на поиски талантов – талантов среди тех учителей, которые в состоянии научить молодое поколение просто думать. Просто думать.

Потому что, конечно, талант – это не обязательно искусство. Талант – плюс талант жить, талант найти себя, талант нелинейно думать. Прежде, чем нелинейно думать, надо научиться думать линейно. И вот учить думать ребенка - наверное, это строится, как в школе Монтессори, прежде всего, в самооценке, в способности оценить себя, в способности изменить мнение и не ходить мимо писсуара.

Понимаете, в школе нет индивидуальной ответственности. Вот как Антон Павлович сказал: «Если в сортире воняет и никому нет жизни от воровства, то виноваты все, а значит, никто».

И вот базовые основы мышления строятся, безусловно, на том, чего в России, на мой взгляд, до сих пор нет, - на отсутствии индивидуальной ответственности, начиная с 5 лет и до 100. Индивидуальной ответственности очень мало. И только талантливый человек, в особенности, талантливый учитель это индивидуальное чувство ответственности чувствует. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Андрей Сергеевич.

Тина Канделаки, Вы будете выступать?

- (Канделаки Т.Г.) Я не знаю, надо говорить или нет, но... По поводу педагогов – это очень важно. Но есть очень интересные программы, в том числе и «Учитель года», на которых поощряют педагогов, и могу Вам сказать, имея большой опыт общения с большим количеством молодых педагогов, которые привозят детей на программу «Самый умный», что они у нас есть. Они есть – и талантливые, и молодые, и креативные. Даже уже дошло до того, что я познакомилась с педагогами. Которым 25-26 лет, это абсолютно молодые люди, которые очень хорошо воспитывают и учат учеников, но проблема просто в том, что этих учителей вообще никто не знает. То есть, они не являются героями сегодняшнего дня, поэтому Вы абсолютно справедливо заметили: их и не знают, и все думают, что их и нет.

Я, если можно, прежде, чем скажу несколько слов, очень хочу попросить. Я сделаю это публично, потому что это невозможно изменить. Мы так много говорим об инновациях... Можно на четвертом этаже провести Интернет? Пожалуйста! Я не понимаю, как можно говорить об инновациях, когда... Здесь столько бумажек всегда... Вы меня простите, я просто уже давно не пользуюсь бумажками, у меня все в iPod'e, и поэтому очень сложно, Вы знаете, как-то в бумажках и не пользоваться Интернетом...

- (Бычков В.В.) А я тоже удивлен: здесь нет Wi-Fi, что ли?
Хорошо, обратим внимание руководства.

(Перерыв в записи.)

- (Канделаки Т.Г.) Здравствуйте. Вы знаете, здесь, наверное, мне будет, возможно, легче или сложнее, чем всем выступающим, потому что я, будучи Тиной Канделаки, параллельно являюсь учеником 2-го и 4-го классов. Поэтому я не только занимаюсь системой образования, в силу того, что веду программу «Самый умный», общаюсь с огромным количеством детей, и занимаюсь отчасти уже даже и преподавательской деятельностью, а еще и в силу того, что я еще и учусь. А так как я учусь, поэтому я, наверное, знаю многие тренды, о которых, вроде, мы сегодня не говорим, но, наверное, надо бы о них знать.

Например, один из этих трендов заключается в том, что наши дети давным-давно уже перестали обучаться в коллективе. Мы много говорим, исходя из нашей привычной позиции, что ученик должен обучаться в коллективе. Но сейчас, при наличии компьютеров, ученики, помимо того, что по-прежнему, по старинке обучаются в коллективе, они давным-давно уже стали обучаться сами. Что это означает? То есть, если в доме есть компьютер, то, соответственно, очень многие дети о многом узнают сами, индивидуально. И они – это важно – привыкли к поиску информации индивидуально.

Говоря об играх (вот тоже было сказано, это важно), сейчас самая популярная игра – когда тебе присылают тебя, закопанного в могилу, и ты раскапываешь. Вот во 2-м классе это очень популярная игра. Ты раскапываешь себя, потом сам других посылаешь в могилу, закапываешь, и

так далее. Я абсолютно согласна с докладчиком и в том, что очень мало развивающих игр. А эти игры – они не с неба берутся, понимаете? Приложения ВКонтакте тоже пишут люди. А в приложениях ВКонтакте по 8 миллионов человек. И если, например, будет приложение интеллектуального содержания – какая-нибудь хорошая, интересная, содержательная игра, – то тогда и детям дальше узнавать будет интересно.

Собственно говоря, американская киноиндустрия почему снимает такие примитивные, но в то же время зрелищные фильмы о греческой мифологии? Они как раз очень четко понимают, что пусть даже немножечко неправильно трактуют, пусть перевирают, пусть история там переделана, но факт остается фактом: когда дети видят приключения Персея, они волей-неволей, посмотрев картину, хотят дальше про него прочитать. И уже надежда есть только на то, что, визуально восприняв интересную информацию, как привыкло новое поколение, оно может в эту информацию углубиться.

Вы все, наверное, прекрасно 22 апреля смотрели и слушали выступление Президента, который очень много говорил о систематизации поиска талантливых детей и создании условий для того, чтобы эти талантливые дети могли учиться. Мне как раз это было удивительно, потому что я ровно месяц назад выступила с подобной же инициативой в блоге, и отклик был огромным, но я не ожидала, что так быстро этот вопрос поднимется на поверхность общества, и общество вместе с, собственно говоря, органами власти и Общественной палатой начнет это обсуждать.

Проблемы, конечно, очень актуальные. То, что в сегодняшней России недостаточно условий для развития и продвижения таланта в любой сфере, – это понятно. И то, что колоссальный запрос на эти таланты – это тоже очевидно. В какой я программе ни снимаюсь, на каком заседании я ни оказываюсь, на какой кухне ты ни садишься, везде начинается разговор с того, что нужны таланты, таланты есть, и им нужна поддержка, и, естественно, нужны новые герои, и кто эти новые герои.

Тоже здесь проброс(?) скажу. Очень важно – в советское время все-таки были какие-то хорошие и светлые моменты, как то, что дети хотели быть похожими на врачей, на учителей, на космонавтов, в конце концов, понимаете? А сейчас как раз нет образов людей, на которых хочется быть похожими, и, соответственно, профессий. То есть, на ученых похожим не хочет быть никто. Здесь не надо проводить какие-то исследования – я думаю, Вы это и сами прекрасно знаете, и по своим детям, и по детям, которые Вас окружают. А это плохо, потому что все не могут быть похожими и желать быть сотрудниками «Газпрома», олигархами и деятелями шоу-бизнеса. Потому что все-таки общество двигают представители других профессий.

Дальше хотелось бы обязательно сказать о том, что количество талантливых детей, даже в силу того, что сегодня недостаточно условий для их развития, в России не уменьшилось, они никуда не делись, они по-прежнему есть. Но проблема в том, что в сегодняшнем обществе правят две основополагающие установки. Первая: что мы – дети великой страны, страны

первооткрывателей, страны великих создателей. С этим никто не спорит, оно по-прежнему актуально, дети так говорят. Но вторая заключается в том, что у нас, как детям кажется, и поверьте мне, если Вы с ними поговорите, Вы в этом убедитесь, - в определенном возрасте есть тотальная проблема того, что дети считают, что у нас нет науки, дети считают, что у нас нет идей и у нас нет талантов. Это сами дети так считают. То есть, если Вы поговорите с поколением 18-летних, они все фанатеют от Сергея Брина. Это гениально, что наш соотечественник добился в Америке такого успеха. Но неужто Сергей Брин может быть только единственным примером?

И то, я так понимаю, не все знают, что, допустим, тот же Цукерберг, который создал Facebook и начал его создавать, будучи школьником, и стал первым миллиардером в истории отечественного... мирового бизнеса в таком возрасте, - он недостаточен для школьников всего мира, а тем более, для школьников России. А у нас наши ребята тоже есть. У нас есть очень успешные талантливые дети, предлагающие идеи в тех или иных инновационных сферах, которые просто недостаточно известны общественности. Соответственно, другие дети, которые на них смотрят, не имеют примеров. Они думают, что если где-то и есть талантливые люди, где-то и есть люди, которые эти таланты реализовали, - они не в России.

Поэтому, собственно говоря, известный факт заключается в том, что все, кто уезжает получать образование за границу, из 60% тех, кто уезжает по специальным программам, очень мало – около 10% - возвращаются. Все, кто по спецпрограммам уезжает, пытаются там трудоустроиться. Потому что понимают, что талант раскрыть лучше можно там.

Так это или нет – это спорный вопрос, можно много говорить. В России тоже появляются определенные условия. Но ментальность пока еще не поменялась – все думают, что надо ехать туда.

Конечно, изменить эту ситуацию очень сложно, потому что вообще в сегодняшнем дискурсе негативные истории имеют гораздо больше шансов. Сказать о том, что, допустим, «здесь невозможно заниматься бизнесом», «здесь нет условий для развития искусства», «здесь все плохо», - вот такая тенденция сразу оказывается на вершине общественного обсуждения. То есть, вот просто обратите внимание: то, что «все плохо» - это всегда в дискурсе гораздо актуальнее, чем то, что «вдруг здесь может быть хорошо». Или, например, негативные истории, как у кого-то что-то не получилось, автоматически поднимаются в топы. Позитивные истории, как у кого-то что-то получилось, не являются темой для общественного обсуждения.

Я Вам приведу элементарный пример. Мы говорим - «изменить образование, изменить образование». Я была – не буду называть вуз – в очень уважаемом российском вузе сегодня, где воспитываются будущие журналисты. Я говорю: «Уважаемые журналисты! С чего Вы начинаете утро? Вы на Яндекс-блоги заходите?». Они говорят: «Нет». Сидит аудитория. Я говорю: «А вообще, что мы читаем с утра? Надеюсь, у Вас у всех...» - а там состоятельные, есть возможность спросить у студентов, есть ли у Вас компьютеры. Я говорю: «Надеюсь, Вы утро начинаете с того, что Вы,

наверное, смотрите «Коммерсант», да, повестку дня?». - «Нет». Там двое подняли руки про «Коммерсант», понимаете?

Или, например, по-прежнему мне говорили: «Знаете, мы – талантливые молодые журналисты, но мы знаем, что мы не трудоустроимся, очень сложно трудоустроиться без блата». Я говорю: «А вообще немножечко подумать, и вот слово о креативном мышлении, о котором так много мы говорим: создать какой-то свой ресурс в Интернете – будь то блог, будь то твиттер, любой микроблог – это можно же придумать, этому же не надо учить?».

А надо ли учить тому, что, например, человек, имеющий свой блог с подписчиками в размере 10 000, становится средством массовой информации? Вот как это объяснить, или через какие каналы коммуникации мне это донести? Если Вы открываете Ваш блог, у Вас появляется 10 000 подписчиков – все, Вы – не человек, Вы – средство массовой информации. Вы можете влиять на информационную картину дня – легко! В Америке люди, которые это понимают, становятся миллионерами, потому что дальше Вы начинаете продавать там элементарную рекламу!

Вот сейчас за границей время, в этом плане люди это очень хорошо понимают в той же Америке, и там вот этот креатив меняет информационную картину. И у нас меняет!

Но тут интересный момент. Поколение, например, тех, кто учится на втором-третьем курсе, - это как раз тот возраст людей, которые ко мне на работу приходят трудоустроившись в компанию. В 20, 21, 22 они этого почему-то не понимают – может быть, потому, что мы их такими воспитали? А те, кто учится во 2-м, 3-м, 4-м классе – Вы не поверите, - этим даже говорить не надо! Вот это поколение – оно все само делает!

Я читаю анкету мальчика-четвероклассника ВКонтакте. Он пишет: «Политические убеждения» (или религиозные): «Светский гуманист», - пишет четвероклассник мальчик, понимаете? Кто ему сказал о светском гуманизме в 4-м классе? В этом классе учится моя дочь. Понятно, что не педагог. То есть, он сам что-то искал, нашел, решил, что чьи-то взгляды ему подходят, или просто слово понравилось, - он назвался «светским гуманистом». То есть, это тоже важный момент, обратите внимание!

Да, поколение, которое уже выросло при наличии компьютера дома... То есть, мои дети – дети, родившиеся в 2000-м году, и те, у кого здесь есть дети, - это дети, родившиеся с компьютером дома, понимаете? То есть, они не знают, что была эпоха до Интернета, и они мыслят по-другому. За них не боритесь – у них все хорошо.

Вот те, которые родились без этой эпохи и в нее будут вступать - те, за кого мы сейчас говорим, - вот у них дела похуже. Потому что им нужно создавать условия.

Я уже выступала, не знаю, надо сегодня или не надо. Я просто коротко повторяю то, что очень важно, три составляющих. Что надо сделать? Вот мы все говорим: что надо сделать?

Консолидировать усилия всех желающих идейно и технически реализовывать эти проекты. Я у себя в блоге написала – люди в огромном

количестве мне стали писать, что будут и развивать, и помогать, и движок мне сделают, и все сделают. Просто консолидировать крупнейших Интернет-игроков для того, чтобы привлечь крупную аудиторию. Вот я на РИФе(?) выступала, говорила: например, дать тизер или строчку в новостном разделе – вообще ничего не стоит. То есть, у меня самой есть мои ресурсы... Понятно, что она продается. Ну, например, на том же mail – не(?) очень много трафика, то есть, они могут эту строку дать. А чтобы Вы понимали, новости mail читают до 2 миллионов человек каждый день. То есть, любая ваша информация – вот сейчас мы можем говорить... Мы, даже если очень сильно сейчас захотим масштабироваться, для этого нужно будет провести большую работу в информационных агрегатах. А если вот строчка сейчас пойдет в этом тизере(?), понимаете, все, что мы скажем, 2 миллиона человек автоматически прочитают.

И третья конечная история – вот вообще здесь слово «государство» даже не упоминается: привлечь бизнес, который в дальнейшем предоставит возможности. Вот свести, чтобы те, которые придумывают... Элементарно: Андрей, московский школьник 17-летний, придумавший чат «Рулет» - этот школьник уже в Америке. Но чтобы Юра Миллер не в Америку летел с ним общаться и предлагать ему выкупить долю из бизнеса (речь идет, напоминая, о 17-летнем московском школьнике, бизнес уже оценили в несколько миллионов), а чтобы вот эта встреча московского школьника Андрея и людей, которые занимаются этим бизнесом, происходила здесь, в России. Вот что нужно сделать. Для этого достаточно консолидироваться и создать такую площадку в Интернете. И все.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Тина. Тина права: технологии, технологии и еще раз технологии. Подросло поколение хипстеров, которые воспринимают мир не через буквы, а через визуальные образы.

Марат Александрович опаздывает на самолет, и, насколько я понимаю, коротко...

- (Гельман М.А.) Я буквально несколько слов о нашем пермском опыте.

Мы задумались над тем, как сделать так, чтобы у нас завелся креативный человек, и нам было проще, потому что все, что касается Министерства образования, - мало того, что это невозможно модернизировать, это как бы не наша компетенция, то есть, мы как бы не имеем права это трогать, даже когда пытались это делать. И поэтому я просто Вам скажу, как мы подошли.

Первое, что мы сделали, - это сказали, что этот креативный человек – это он действует, он является заказчиком всего того, что мы делаем. То есть, мы не пытаемся за него действовать, принимать за него какие-то решения, какие уроки давать, и так далее. Наша задача – создать для этого человека инструменты.

И выяснилось, что проблемы, которые находятся в образовании, - точно такие же проблемы у человека в России на всех этапах его жизни, в том числе и на том этапе, когда он находится уже на «Олимпе». То есть, мы для себя разделили это: первый этап – это развитие. И здесь мы говорим –

что человек хочет? Он хочет играть. То есть, мы должны создать такие игры... Еще раз говорю: у нас такая простая ситуация, потому что мы образованием как бы не занимаемся, а занимаются федералы. Значит, после развития мы говорим: мы должны ему предъявить образцы. То есть, он развивается, он должен принять решение: он хочет стать писателем, художником, кем-то, - то есть, мы ему предъявляем образцы. Это, понятно, система развития музеев, система модернизации библиотек.

Потом мы должны ему сделать доступ к знаниям – то, о чем говорила Тина, то есть, обеспечить каналы. Он должен сам... Он – потребитель, он – заказчик этих знаний.

Очень важный момент – так называемая «миддл-карьер»(?), когда человек определяется. Мы создали целую систему – пока на бумаге, но создаем, - помогающую человеку определиться внутри, в том числе, и конкурсы.

Потом – восхождение на Олимп. Здесь была главная задача в том, чтобы это восхождение на Олимп, творческая карьера могла состояться в Перми, а для этого не надо было уезжать в Москву, Нью-Йорк и так далее.

И самое, может быть, удивительное для нас было – что даже человек на Олимпе, то есть, человек, который уже достиг вершины, он оказывается, если, допустим, он не продолжает творить, но в то же время имеет огромный опыт, - он не понимает, каким образом ему жить. То есть, мы заикливаем этих людей на «Олимпе», мы делаем ситуацию, чтобы они были вот этими образцами, делаем такую ситуацию, чтобы и человек, который прошел свой жизненный путь, работал на всю эту систему.

Я еще раз говорю, мы не ученые. Это была такая идея, и сегодня мы в Перми пытаемся именно так. То есть, действуем не мы – мы только создаем инструменты. А действует каждый человек – от 5 лет до 70. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Марат Александрович. И мы переходим наконец к следующему блоку – очень, конечно, условно. Это еще одна «дыра» - дыра, где мы теряем творческих людей, которые, завершая образовательную теорию, выходят в жизнь, и вот тут происходит ускользание в смежные области или вообще отсюда, из нашей страны. Очень важный момент, и здесь я хотел бы передать слово Ларисе Геннадьевне Зельковой, генеральному директору НБО «Благотворительный фонд Владимира Потанина».

- (Зелькова Л.Г.) Уважаемые коллеги! Я сегодня, внимательно слушая нашу дискуссию, несколько утратила представление о том, а какова цель нашего сегодняшнего разговора. Потому что, мне кажется, мы все очень увлеклись рассказом друг другу о том, что кому кажется важным, нужным, страшным, хорошим, но совершенно не обсудили инструментальную часть всей этой темы. Собственно, я не очень понимаю, что мы все можем с этим сделать, если так все эклектично, разрозненно, и у каждого свое представление о том, что же нужно делать.

Мне кажется, все же нужно вернуть нашу дискуссию к инструментальному подходу, поскольку давайте трезво оценим, какие есть

ресурсы у Общественной палаты в целом, а также у нашего с Вами сообщества в этой Палате. И, боюсь, такие инструменты по пальцам одной руки можно посчитать. И позволю себе напомнить о них. Мы сегодня хотели сделать с вами проект рекомендаций, где хотели упомянуть, видимо, какие-то инструменты, которые могут повлиять на ситуацию, но в этом проекте таких инструментов почти нет. Вам не кажется, что мы сегодня незаслуженно не поговорили о том, а что сегодня есть в арсенале государства, связанное с созданием определенных образовательных стандартов, инновационной среды и всего остального? У нас куча программ, которые финансируются властью, которые финансируются из бюджетных и внебюджетных фондов.

Мы про это не разговаривали, но, наверное, на этом можно оказать какое-то влияние, правда? Наверное, можем обратить внимание общества на то, как эти деньги тратятся, на что, кто принимает решения о расходовании этих средств, на какой основе эти программы построены. И мне кажется, что наша с Вами возможность поговорить об этом сегодня упущена.

Второй момент. Мы много сегодня говорили о разных областях развития этого самого креативного и творческого подхода, но, опять же, совершенно не поговорили про инструментарий. Мне кажется, что Палата могла бы начать, например, с себя и предложить более прозрачные конкурсные инструменты, связанные с различными государственными грантами и конкурсами. Каждый из Вас знает, что сегодня грантовый конкурс, практически, - ругательство уже. Потому что нам объясняют, что злоупотребления есть везде, и воруют-то везде, и вот конкурс сегодня – это один из способов воровства, оказывается, а не максимально эффективный и конкурентный способ раздачи возможностей. Мы про это тоже сегодня не поговорили. Мне кажется, что мы упускаем такой важный момент.

И я предлагаю в этой связи записать нам самим в нашу же резолюции, что называется, предложение: поручить нашим экспертам или собрать наших экспертов, изучить те программы, которые существуют на государственные средства и содействуют развитию различных образовательных методик, технологий, креативных подходов. Это первое.

Второе: оценить, как сегодня эти программы распределяют свои ресурсы, существуют ли какие-то конкурсные методики. Если нам нужно для этого изучить опыт существующих некоммерческих организаций негосударственного свойства, то – мы даже сегодня здесь вспоминали, и я могу сказать, что есть много организаций, которые такие, как моя организация, которую я представляю, у которых есть такой опыт – десятилетний и более, и можно на него опереться.

И последнее, что я хотела сказать: коллеги, мне кажется, что если мы будем каждый раз собираться и рассказывать друг другу, как все плохо, как все грустно и какие у нас плохие учителя, то мы далеко с Вами не уйдем. Потому что этот разговор тянется последние 20 лет с тех пор, как у нас гласность в стране была объявлена, но результатов больших мы друг другу предъявить, тем не менее, не можем. Поэтому у меня предложение –

отнестись более инструментально к такого рода дискуссиям и сегодня попробовать записать вот это.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Лариса. Отличное предложение по поводу того, чтобы изучить все программы. Но об этом, кстати говоря, еще, если успеем, речь впереди.

Но ответить на очередной упрек, Лариса Геннадьевна. Сегодня прозвучало предложение по конкретной программе – в первом выступлении. Тут то, что Вы работаете над Законом о благотворительности, - важная вещь? Важная вещь в Общественной палате. То, что сейчас идет такая серьезная дискуссия, в том числе и в рамках Общественной палаты, по 94-му Федеральному закону, который существенно тормозит творческий процесс и так далее, - все-таки, что-то делается. Естественно, мы постараемся максимально из этого включить в нашу резолюцию.

Георгий Анатольевич Никич, если можно.

- (Никич Г.А.) Я совершенно не согласен с тем, что Лариса перед этим сказала. Ведь главное – что мы почти никогда не знаем, в чем живем. И живем в пределах какого-то исследования, которое имеет локальный характер, иногда международный, но схватывает какие-то достаточно небольшие пространства. Затем мы иногда экстраполируем, иногда нет, из-за этого получается 7% и 93%, или какие-то другие цифры.

Что касается «креативизации» страны как необходимости, то, конечно, для этого нужна еще какая-то карта страны, которая еще не создана, по поводу того, какие существуют инициативы, какие есть государственные и негосударственные программы, как и что это схватывает, и каковы результаты. Такой фактуры нет, и, по-моему, соответственное направление изучения находится абсолютно (нрзб.) на повестке дня.

Я хотел сказать об одном-единственном маленьком проектом... даже не проектом... об идее, которая кажется мне важной для нашей страны. Это произошло из-за, кстати сказать, одного образовательного процесса. Я занимался с множеством детей из разных городов, из 15 городов, и эти дети на творческих мастерских показали довольно интересный результат. Смысл был в том, что они должны были производить разные творческие продукты, связанные с видением себя в своем городе в будущем.

И довольно очевидные два результата были: один результат – это эскапизм. Собственно, все дети как бы избегают размышлений о будущем или попадают на некоторые стереотипы, а себя в городе(?) не видят. Лучшее, что можно было придумать и что дети создавали, и это тоже довольно фантастично, - что города летают и улетают куда-нибудь целиком или частями. И тот набор ценностей, который дети представляли, тоже важно выглядели для своего будущего – скорее, потребительски, и это можно объяснить с точки зрения психологии довольно легко, но в целом картина вырисовывалась странная, и я еще удивился тому, что дети из 15 городов – раз, из 15 городов – в другой раз, никто из них... не было случая, чтоб один сказал: «Я был в другом городе», другой – в третьем. Они были только в своих городах, и некоторые из них бывали в Москве, немногие, и совсем

единицы – в Санкт-Петербурге. То есть, их пребывание... И в Турции – огромное большинство из них было в Турции, почти все. Вот эта картина – странная.

Дальше, работая со взрослыми (я делаю множество разных проектов в сфере современного искусства), мне кажется, что большим дефицитом, как здесь говорилось, является деятельность составляющая и в образовании, и, безусловно, проектная составляющая и в учебных процессах, и во взрослых горизонтах, я бы сказал. Для того, чтобы коммуникативная составляющая расширялась, для того, чтобы дети и взрослые могли осознавать, понимать, видеть новые горизонты, с одной стороны, конечно, важно развивать технологическую базу, важно все, что связано с Интернетом, но не только. Потому что пребывание исключительно в Интернете и в собственной такой закрытой локальности создает довольно странные ситуации сознания и, кстати, мало способствуют развитию креативности как системы навыков, которые могут развиваться.

Я хочу сказать о сети того, что называется в Европе и в мире «арт-резиденцией», и того, чего в нашей стране, практически, нет. Ну, для примера: если немецкая арт-резиденциальная не сеть, а система арт-резиденций насчитывает порядка 200-220 мест в стране, то есть, таких мест, куда могут приезжать в разное время по разным поводам люди разного возраста, от детских групп до состоявшихся музыкантов, писателей, художников, ученых, и работать в этих местах, или обретая некоторое свободное время в новом вдохновляющем окружении, или связываясь с той местностью, в которой они находятся, и так далее, и даже (нрзб.) разные резиденциальные концепции... Только вот если в Германии 200, если голландские артрезсети мировые описывают 1500-1700 сетей в своих коммуникационных предложениях и возможностях, то у нас арт-резиденции исчерпываются двумя позициями, ну, строго говоря, Одной: у нас есть две комнаты арт-резиденций в Кронштадте (тоже место хорошее).

И это о многом говорит. Это способствует и закрытости, и невозможности обменов, закрывает, в определенной степени, интеграцию страны совершенно на разных уровнях и закрывает возможности творческого обмена, закрывает возможности развития мест. Потому что если представить себе установление арт-резиденции в месте, которое не является каким бы то ни было центром, как Москва и Петербург либо города-миллионники, но масса привлекательного есть в других местах, маленьких городах, даже не городах, это может способствовать и развитию места.

И я сейчас не буду рассказывать подробно концепцию, - я думаю, многие понимают, о чем может идти речь. В этом направлении сейчас начинаются те самые первые шаги. Примерно через полтора месяца будет большая первая международная конференция, которую мы организуем около ду(?) - арт-резиденции(?), где будут представители многих российских городов и иностранные специалисты из разных стран.

И последнее, что я скажу. Мне представляется, что арт-резиденции – это важная возможность альтернативной инфраструктуры. Потому что то, о

чем мы говорим, имеет еще такой подтекст. Мне представляется, что во многом и образовательная инфраструктура, но уж точно – инфраструктура культуры, которую я знаю гораздо лучше и больше, на сегодня являются инерционными. И, по-моему (и, может быть, это так же может оказаться в пределах интересов Общественной палаты), такое перспективное видение, которое должны мы сегодня учитывать. Вообще, говорится же о том, что творчество – это отнюдь не то, что номинально считается творчеством, производящим стандартные продукты искусства и культуры. Творчество пронизывает все сферы современной жизни. Соответственно, сама конфигурация культур, связанных с этим творчеством, на сегодня имеет совершенно другую форму, и на сегодня, в большой степени, существующая институциональная структура является тормозящей или, во всяком случае, не отражающей те реальные процессы, которые сегодня происходят в обществе.

В этом смысле вот такое стратегическое осмысление будущего, по-моему, тоже возможная и очень масштабная задача. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Георгий Анатольевич. Владимир Толстой.

- (Толстой В.И.) Толстой Владимир Ильич, Ясная Поляна.

Мне кажется, что в нашем сегодняшнем разговоре два существенных изъяна. Первое - это у нас идет очень «московский» разговор, абсолютно московский взгляд на жизнь просто огромной страны. И второе – это взгляд с одной стороны баррикад. Это взгляд людей с разными точками зрения, с разными взглядами, может быть, но, тем не менее, представляющих гуманитарную составляющую часть общества. А у нас нет ни одного представителя, который, например, формирует бюджет, - из Министерства финансов, Министерства регионального развития, Минэкономразвития. То есть, нет оппонирующей стороны. Мы как бы сами себя убеждаем в том, что мы, в общем-то, хорошо знаем и согласны.

Абсолютно точно шла речь о проблеме вырождения наших университетов, нашей средней школы, дошкольного образования и воспитания, дополнительного образования, педагогической школы, педагогических кадров. О чем все это говорит? В стране колоссальный системный кризис. Вырождение носит системный характер. Все графики имеют тенденцию к падению. Любой доклад – мы видим, как графики с годами имеют тенденцию к падению. Это говорит о системной ошибке, о том, что мы продолжаем, видя падение этих результатов, в разные периоды времени – и когда нефть стоила дорого, и когда нефть упала, когда был экономический кризис, когда не было экономического кризиса, тенденция одна – это говорит о том, что системная ошибка.

И если говорить о самой безнадежной вещи, о которой мы должны говорить, - о том, что нужно менять систему, понимаете? Начать, между прочим, с изначально порочной системы бюджетирования в нашей стране. Идет десятилетиями откачка, просто выкачка из периферии в центры всего – человеческих, финансовых ресурсов. Идет абсолютное истощение огромной национальной культуры, огромных национальных возможностей.

Можно взять все, что угодно. Люди стремятся из своих маленьких поселений в город побольше, из города побольше – в райцентр, из райцентра – в областной центр, из областного центра – в столицу, из столицы – за рубеж.

Точно так же происходит с деньгами. У нас деньги откачиваются от бюджетов поселений территорий, дальше они перекачиваются в районные центры, которые столь же бесправны, как и поселения, дальше они перекачиваются в областные центры, дальше уходят в Федеральный центр, откуда идет распределение, - и не возвращаются. Ни люди, ни ресурсы не возвращаются туда, откуда они взяты.

Пока не будет принципиально изменена эта система, вообще ничего, о чем мы говорим, невозможно в этой стране осуществить. Поэтому, если говорить о безнадежных вещах, то нужно говорить о перевертывании всей системы. Она должна быть не центростремительна, а центробежна, чтобы ресурсы остались на местах – законодательно. Хотя бы 15-20% местных бюджетов должно остаться и не тратиться на рутинные вещи типа дорог и канализаций, а тратиться именно на соединение образования и культуры.

Очень хорошо, что тут две комиссии сидят вместе. У нас культура и образование не имеют тенденции расходиться – их искусственно разводят административными методами уже на протяжении десятилетий. Поэтому наша задача – все-таки попытаться объединиться, и пусть это выглядит абсолютно идеалистично, но структуры бюджетов, приоритеты расходной части бюджетов нашей страны абсолютно порочны и имеют характер системной ошибки. Вот, собственно, все, что я хотел сказать. Спасибо.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Владимир.

Я хотел бы тут небольшую ремарку сделать. Действительно, система распределения средств, в том числе бюджетных средств в области культуры, например, приводит к тем результатам, которые мы сегодня видим. Поэтому все чаще и чаще идут разговоры в разных областях культуры о том, чтобы часть бюджетных средств, которые направляются на производство «продукта», если можно так сказать, культуры, распределялась через государственные общественные фонды, через фонды, в которых работают советы, общественные советы, чтобы это было не делом только чиновников, но чтобы это было делом общественности.

Следующее выступление – Татьяна Всеволодовна Абанкина.

- (Абанкина Т.В.) Спасибо большое. Добрый день, уважаемые коллеги. Мне бы хотелось, действительно, продолжить то, о чем говорил Владимир Ильич Толстой, и в экономическом контексте, будучи содержательно согласной со всем, что здесь говорили, просто конкретные экономические предложения.

Прежде всего, мне хочется сказать, что переход от индустриальной экономики к творческой – это довольно масштабная задача государственного уровня, уровня национального. И она требует усилий всех – и государства, и бизнеса, и отдельных людей, и она не может осуществляться без поддержки.

Вот очень небольшой, краткий пример: довольно известный проект (нрзб.) Эмпшера(?) – это, на самом деле, бииндустриализация русского бассейна в Германии. Как Вы видите, довольно значительные вложения были как Германии, так и Евросоюза, и это создание новых рабочих мест, новых площадей для творческих индустрий и творческой работы.

И это, безусловно, (нрзб.)... Извините, что здесь не переведено, делали наши коллеги, мы как раз вместе с Владимиром Ильичом работали с немецкими коллегами. Вы видите, насколько эта красная линия – занятость вообще в экономике, и более высокими темпами моментально растет занятость в секторе творческих и культурных индустрий.

Веймарская история успеха – это тоже город, который перешел от индустриального развития в конце 90-х годов, в очень сжатые сроки, к довольно успешному постиндустриальному развитию.

Вы видите, что, в отличие от новой федеральной (нрзб.) – это Восточная Германия, - от сокращения рабочих мест и численности занятых вообще в этих землях пришел отток, конечно, в западные земли Германии. В Веймаре шел рост численности населения и рабочих мест.

Поэтому, говоря сегодня о творческих индустриях, несомненно, нужно говорит о том, что это, безусловно, ресурс новой экономики, это очень динамично развивающийся сектор во всем мире, но в том числе и в России. И здесь вот Тина Канделаки ушла, но я поддерживаю ее мнение, что нам очень не хватает позитивной информации, позитивных примеров того, что происходит у нас в России, а происходит, на самом деле, довольно много.

Но главное, что это программа адаптации к новой занятости, к современной занятости. И я думаю, здесь очень помогает кризис. Дело все в том, что, действительно, кризис приводит к резкому и, я бы сказала, очень социально конфликтному сокращению крупных промышленных производств, к высвобождению довольно значительных трудовых ресурсов. И, конечно, требуется новая программа перезанятости. И отчасти эта проблема может быть решена за счет и с помощью культурных индустрий.

Если говорит про Россию, то творческие кластеры появились относительно недавно. Вместе с тем, они отличаются некоторыми важными особенностями. Первое: творческие кластеры, как ни странно, представляют из себя синергетический ресурс, и они, подпитываясь обменом идей, опыта и так далее, хорошо развиваются, если они компактно размещены. Отсюда идеи творческих кварталов, творческих кластеров, и тот же самый Парк Эмпшер(?) – Вы видите, это компактно, в содружестве существующие в интеграции кооперации, несомненно, творческие индустрии.

К сожалению, у нас они возникают спонтанно, имеют сейчас временный проектный характер, и, конечно, к сожалению, не имеют устойчивых механизмов поддержки и до сих пор концептуально находятся, все-таки, в оппозиции к традиционной культуре. И, конечно, я понимаю, что сразу сделать очень много нельзя, хотя я считаю, что необходима государственная программа поддержки – (нрзб.) первоочередные меры,

которые требуются для хотя бы поддержки тех кластеров и тех творческих кварталов, которые уже возникли.

На первом месте по целому ряду исследований, несомненно, стоит льготная аренда. Прежде всего, это сейчас такой творческий захват старых промышленных территорий. И можно сказать даже такую метафору: это такая интеграция бизнеса и творчества. И здесь надо сказать, что, конечно, творческие индустрии способны очень «поднимать» место, делать его социально привлекательным, в том числе даже старые промышленные районы в городах, но как только они, что называется, тратя свои усилия и свои ресурсы, «поднимают» место, дальше они не выдерживают тех стандартных условий экономики, которые существуют. Это ситуации с арт-(нрзб.), с «Арт-Стрелкой» в Москве. И это, в общем, звучит очень актуально. Поэтому, конечно, нужно создавать такие условия.

Несомненно, нужны малые кредиты, потому что, в основном, это небольшие компании, гибкие компании, и, конечно, нуждающиеся в тех или иных оборотных средствах.

И я думаю, что культурное предпринимательство так же привлекательно и для инвестиционных фондов, особенно для венчурных инвестиционных фондов. На сегодня, к сожалению, по культурным предпринимателям таких фондов, практически, нет.

Очень важны программы подготовки кадров по культурному предпринимательству и творческим индустриям. И, может быть, сегодня многие высшие учебные заведения на уровне магистерских программ, на уровне повышения квалификации, конечно, гораздо активнее должны расширять программы, связанные с культурным предпринимательством. И, в том числе, постоянно консультировать – за счет агентств, за счет различного рода, в том числе, образовательных программ. И, может быть, такие агентства могут создаваться и в университетах, которые бы помогали небольшим творческим компаниям в ведении бизнеса. Как правило, эти люди не обладают достаточными навыками – они обладают, прежде всего, творческим потенциалом.

Механизмы поддержки – безусловно, это технологии социального партнерства, частно-государственного партнерства. Очень важны не просто гранты, а, может быть, гранты на условиях встречного финансирования – не важно, в какой пропорции – один к одному, один к двум, один к четырем, как, например, в Австрии. Вопрос доли к своим собственным средствам, сколько будет добавлено бюджетных средств, государственных. Но важно, все-таки, чтобы то, что есть, поддерживать. У нас много чего нет, безусловно, я согласна со всем, что здесь говорили, но что-то у нас есть, и это что-то все-таки – давайте начнем поддерживать то, что уже есть.

Очень важно, чтобы, тем не менее, были определенные налоговые преференции – например, скидка по НДС для компенсации расходов на приобретение товаров и услуг культурного значения, как сейчас есть скидка по НДС по строительству и приобретению недвижимости. В том числе, для очень важно – для маленьких компаний это очень важно, - чтобы были

вычеты из налоговой базы творческих организаций и творческих работников, - вычеты на инвестиции, идущие на развитие своего профессионального дела. И, безусловно, необходимо обеспечить, и я полностью здесь поддерживаю то, о чем говорил Владимир Ильич Толстой, несомненно, сотрудничество коммерческих и некоммерческих и региональных, и локальных субъектов, которые (нрзб.) заинтересованы в развитии территориальной инфраструктуры.

И необходимо стимулировать все-таки активность именно местного сообщества. Как правило, это небольшие компании. Поэтому требуется создавать некоторые корпоративы, наверное, какие-то паевые экономические субъекты, потому что в одиночку действовать чрезвычайно трудно. И все очень страдают, на самом деле, от отсутствия, скорее, не столько созидательной деятельности (что-то делать уже многие научились), сколько от отсутствия налаженной маркетингово-сбытовой инфраструктуры. И мне очень хочется привести здесь исторический пример: в России есть собственный опыт так называемых отхожих промыслов. Отхожие промыслы, кстати, в России – это не только извозчики в городах. На самом деле, нашелся такой класс – этот класс был купечество, - который создал эту маркетингово-сбытовую инфраструктуру, которые просто ездили по деревням, заказывали, что должны делать, - полотенца, ложки, утварь – церковную, любую другую, потом это собирали и продавали, сами распределяли и так далее. И в этом смысле это была та необходимая стяжка. И сегодня мы видим, точно так же, именно в местных сообществах, именно не в пределах Москвы или Петербурга, или даже Московской области – крупнейшего региона, где, конечно, масштабнейший спрос, а локальные территории очень страдают от отсутствия такого спроса и интеграции и такой налаженной коммуникации. И если не прекратить отток и вымывание, на самом деле, экономически активного, творчески активного населения из локальных территорий, то, конечно, воспроизводства творческого ресурса не происходит. Это показывает практика сегодня не только европейских, но, вообще говоря, конечно, и азиатских стран, и это чрезвычайно важно.

И, в заключение, мне кажется, что вместе с тем – и содержательно здесь все говорили – что творчество меньше всего нуждается в регламентации, начинаются развиваться те места, куда приходит творческий класс, и, ссылаясь на уже, можно сказать, классика и, может быть, гуру творческого класса Ричарда Флориду, хочется сказать, что это условие известно: разнообразие, толерантность и открытость к новым идеям. Но задача, мне кажется, и государства, и общественных структур, - в том, чтобы создать сейчас шаг за шагом, пусть небольшие механизмы, но экономической и не только экономической, но, может быть, организационной, образовательной поддержки тех начинаний, которые уже складываются в России и складываются, вообще говоря, в разных точках, конечно, с разным (нрзб.), но, тем не менее, достаточно интенсивно.

Спасибо за внимание.

- (Бычков В.В.) Спасибо, Татьяна Всеволодовна.

И в заключение я хотел бы пару слов сказать о том, о чем мы сегодня говорили только фрагментарно. То есть, мы много говорили о начальном этапе, о жизненном этапе развития таланта, но, практически, ничего не говорили о том этапе, когда это развитие завершается или, скажем так, входит в стадию... Вот о людях пенсионного возраста. Это, на мой взгляд, еще один такой резерв недовостребованного творческого потенциала. И вот этот момент после того, когда человек завершает творческую карьеру и переходит в пенсионный возраст, - это еще одна дыра, где мы теряем творческие кадры. То есть, это еще один тот момент, когда либо люди уходят тоже в какие-то другие области, либо уходят вообще никуда.

Давайте просто представим на секундочку какой-нибудь средний или малый город, и в нем театр, и вот актер уходит на пенсию. Можно понять режиссера, который не дает ему роли, потому что в современном репертуаре играть ему нечего, - ну, это почти смерть такая, если не физическая, то моральная. Здесь два аспекта таких социальных: во-первых, не дать ему умереть, и, с другой стороны, дать возможность реализовать те ресурсы, огромный опыт, образование, дать возможность ему реализоваться.

Если говорить о деятелях культуры, уходящих на пенсию, творческие союзы – ну, по крайней мере, до недавнего времени, - тут я подверг их такой жестокой критике, - в общем, в силу своего же бедственного, конечно, положения делали и делают крайне мало для того, чтобы активизировать как-то их жизнь, и по понятным причинам. Здесь, как минимум, видны две такие возможности: конечно, это образовательная функция этих людей и функция консультативная. Здесь нужно, мне кажется, настаивать на создании специальных фондов для того, чтобы реализовать эти возможности, и, не побоюсь быть банальным, использовать те самые новые телекоммуникационные технологии - сегодня, практически, бесплатные, - для того, чтобы дать возможность этим людям, как бы связать их с этой нашей, скажем так, новой жизнью. И как площадки, мне кажется, можно использовать, например, вновь создаваемую сеть досуговых центров, в основном ориентированных на цифровое кино, но, как я понял, это такая программа, в основном, существующая на бюджетные средства, и, как я понял, предполагается, что эти досуговые центры будут мультифункциональными.

Я думаю, что можно использовать также хорошо сегодня оснащенные благодаря государственной программе школы, в регионах тоже. То есть, по крайней мере, по сравнению с домами культуры, которые существуют в этих же населенных пунктах, школы сегодня – это такие прямо космические центры.

Тут, конечно, не очень много мыслей на эту тему, но я бы предложил просто на базе нашей комиссии, и желающих прошу присоединиться – создать такую рабочую группу для того, чтобы аккумулировать предложения по этому вопросу и, может быть, подготовить какие-то конкретные предложения, например, к концу года, чтобы включить их в ежегодный доклад Общественной палаты «Состояние гражданского общества».

Собственно говоря, на этом все. Я передаю слово Ярославу Ивановичу для завершения.

- (Кузьминов Я.И.) Спасибо.

Уважаемые коллеги, я считаю, что мы плодотворно поработали. Обратите внимание, что у нас эффективно работал зал – то есть, он слушал, что бывает на таких больших заседаниях, я Вас уверяю, редко, все находят более локальные интересы обычно. Это значит, что тема, которую мы с Вами затронули, действительно болезненная – болезненная для многих.

Я не стал бы переоценивать то, что мы с Вами можем сделать, но мы кое-что можем сделать. Мне кажется, что сейчас у нас вырабатывается видение тех мер, которые мы могли бы публично предложить обществу.

Вообще, функции Общественной палаты ведь не в том, чтобы на ушко начальнику шептать что-то. Наша функция, в общем, - в том, чтобы убеждать активных людей в обществе в необходимости той или иной меры. А необходимость поддержки талантов, причем, поддержки не 2-3%, которых наши учителя традиционно считают талантливymi, а поддержки талантов в максимальной возможности их улавливания, их «пробуждения», - мне кажется, что это может найти широкий отклик. Особенно в общественно активной, социально активной части общества, которая в гораздо меньшей степени стала циничной, чем нам это часто представляется.

И, собрав такого рода общественную поддержку с идеей этой программы, мы, мне кажется, сможем достаточно быстро добиться успеха, добиться определенных действий власти - тех, кто отвечает за распределение бюджетных фондов, за строительство новых институтов в стране.

Эти вот говорят, что наша власть – равнодушна, замкнута в себе. Это, в общем, не так. Мне кажется, что наша власть очень быстро реагирует, когда видит реальное общественное движение, реальный общественный интерес к чему-то. Это, скорее, проблема не власти – это проблема немоты и равнодушия российской интеллигенции. Если мы хотим выжить как нация, мы должны разбудить российскую интеллигенцию. А она может оказать очень большое воздействие на принятие решений в этой стране.

Поэтому давайте мы поработаем так. Мы с Вами достаточно подробно обсудили первую часть нашу, вторую и третью – по поддержке сложившихся коллективов, по проблемам «золотого парашюта» - будем его так называть – для наших состарившихся коллег. Мы меньше успели обсудить, поэтому давайте мы разошлем сейчас, через несколько дней, то, что получится в виде рекомендаций. Мы поработаем, все участники заседания, над этим. Направьте, пожалуйста, нам свое конкретное предложение, и мы попробуем доработать на этой основе ту программу, о которой Любовь Николаевна нам сообщала, расширим ее, с тем чтобы туда поместилось и то, с чем сегодня другие коллеги выступали. Большое спасибо Вам.

- (Бычков В.В.) Большое спасибо всем нашим гостям. И, Светлана(?), спасибо.

(конец записи)